

Отто Гуас

18+

БЕЗЛИКАЯ КОРОЛЕВА

Захватывающее темное фэнтези
в духе Джея Кристоффа

Хроники мрака. Темная фэнтези

Отто Диас

Безликая королева

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Диас О.

Безликая королева / О. Диас — «Издательство АСТ»,
2024 — (Хроники мрака. Темная фэнтези)

ISBN 978-5-17-159623-1

В Ревердасе существует особый закон о престолонаследии: выжить может лишь один из наследников. Так распорядился сам бог. Но что случится, если этот закон нарушить? Волей случая Хизер удаётся сохранить себе жизнь, но теперь она лишь тень самой себя. Без титула, дома, семьи и даже без имени, она вынуждена на собственной шкуре понять, что значит жизнь за пределами замка и какова на самом деле страна, которой правили её предки. Одержимая идеей вернуть себе трон, она готова пойти на всё, даже на сделку с абсолютным злом. Только оправдает ли достижение цели ожидания и так ли прекрасна власть, к которой она стремится?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159623-1

© Диас О., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Последний трон. Книга 1	7
Пролог	10
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	42
Глава 6	48
Глава 7	58
Глава 8	65
Глава 9	71
Глава 10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Отто Диас

Безликая королева

Дизайн обложки Ольги Жуковой

Иллюстрация на обложке Яны Слепцовой

© Отто Диас, 2024

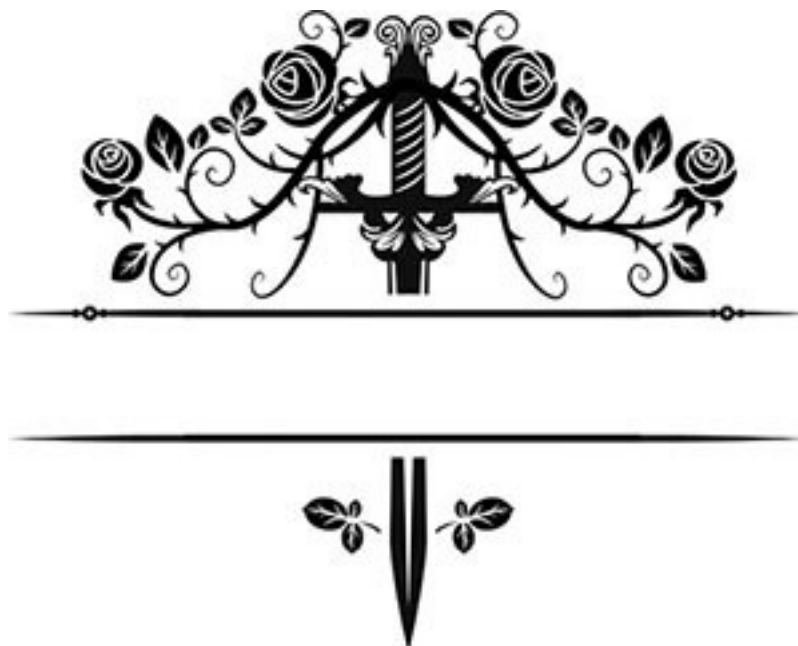
© Яна Слепцова, иллюстрация на обложке, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Последний трон. Книга 1

Ревердас – северо-западное военное государство, раскинувшееся на материке Норра. Два столетия назад оно образовалось на пепелище, оставшемся после окончания Великой войны, развернувшейся на территории Эльроха, Вейстра и Толии. Тогда люди отчаянно сражались против разрозненных кланов магов: ликийцев¹, умаров², верров³ и азлудов⁴, которые пытались противостоять беспощадным убийцам и избавиться от участи менее могущественных племен. В то время как люди использовали лишь собственную хитрость и полагались на холодное оружие, маги уничтожали их посредством силы, согласно легенде, данной им самим Шаахом⁵. Правители трех прежних государств, несмотря на то, что имели общего врага, рассорились из-за спорных территорий, нехватки ресурсов и вспыхнувшей в Толии эпидемии. Уже престарелый король Одрин Резанский не перенес болезни, а его старшие сыновья, желая в шатких условиях отхватить лакомые куски и распространить собственное влияние, развязали гражданскую войну, дав магам возможность укрепиться.

Из-за раздоров среди людей магам удалось подчинить себе часть территорий, в то время как правители Эльроха и Вейстра договорились убить двоих сыновей Одрина, чтобы заставить Антиоха, старшего и самого влиятельного, снова помогать им армией и ресурсами. Король Эльроха – самого северного из государств – заключил договор с охотниками, присягнувшими Геулу⁶ и звавшими себя «Светоносцами». Свою жизнь они положили на то, чтобы изловить и уничтожить каждого мага, с тех пор, как нашли способ лишать их природных сил. Добываемый в горах Льёс металл, зовущийся «красная кара», позволил выжигать на теле мага клеймо, разрывающее каналы его природной энергии. Владелец амулета из подобного металла был защищен от воздействия магии и потому становился серьезным противником

¹ Ликийцы – маги крови.

² Умары – маги стихий.

³ Верры – ментальные маги.

⁴ Аэлуды – эфирные маги.

⁵ Шаах – один из богов-прародителей, бог смерти, таинства и запретных знаний.

⁶ Геул – один из богов-прародителей, верховное божество в Ревердасе, тысячеглазый бог, повелитель светил.

для использующего ее. Вылавливая магов по одному, Светоносцы клеймили или убивали их, а люди, собравшие остатки сил, задавили объединившиеся кланы количеством.

Во время решающей битвы правитель Эльроха – Бердрор Дефоу – избавился от двух других королей, подкупив их приближенных, а после казнив за измену. Потуги наследников захватить власть не увенчались успехом, воины северного короля преследовали и убивали каждого несогласного и противящегося. Разоренная гражданской войной Толия не могла оказать достойного сопротивления, а Вейстр пострадал от засухи и оказался неспособен снабжать армию, чтобы та продолжала биться. Северная жажда рушить и истязать приводила народ в ужас, и выбравшие жизнь в итоге склонили головы. Избавившись от конкурентов, Бердрор Дефоу объединил три государства в одно, назвав его Ревердас и объявив себя единственным законным правителем.

Видя, как легко уничтожить страну, раздираемую междоусобицей, Бердрор решил, что его государство никогда не постигнет такая участь, и создал особый закон о престолонаследии. Теперь, после смерти короля, его наследники были обязаны сойтись в смертельном сражении. Тот, кто оказался сильнее духом и телом, наследовал престол. Убивший кровного брата или сестру нечестным путем подвергался немедленной казни. Отказаться от участия в сражении было нельзя, поскольку каждый, рожденный под знаком короны, изначально обрекался на скорую гибель или же жизнь короля-убийцы, лучшего воина Ревердаса. Принц или принцесса, не умевшие обращаться с мечом, считались недостойными своего титула, и потому слухи о Ревердасе, где каждый ребенок способен совладать с оружием, быстро распространились по соседним землям, нагнав на правителей и их подданных ужас, не позволявший даже самым отчаянным объявить Ревердасу войну. Множество десятилетий эта система оставалась незыблемой. Правителю полагалось обзавестись наследниками в скором времени после коронации. Если по какой-то причине он уходил из жизни раньше положенного срока, регентство принимал супруг или супруга, или же второй человек государства – советник – до того времени, пока наследники не вырастут и не смогут сразиться за престол.

Страшный закон о престолонаследии породил не менее жуткие традиции среди простого люда. Бои стали неотъемлемой частью их жизни. Создавались арены, куда народ ходил лицезреть кровавые сражения рабов и каторжников. Многие споры решались взмахом меча. Богатством и уважением обладал тот, кто хорошо убивал.

В летописях нет упоминаний о времени возникновения Великой Арены, однако считается, что ее возвели еще при первом короле. Тогда в Архорде появилась традиция наказывать преступников не казнью, а сражением. Король говорил, что для жителя Ревердаса, для воина, каким бы он ни был, позорно умереть повешенным, сожженным или убитым с мешком на голове. Всякому казненному будет закрыт путь в Аридон – загробное царство, расположенное за Вечным океаном, поэтому провинившиеся должны иметь шанс искупить вину. Геул прощает погибших с оружием в руках, поэтому велары⁷ на протяжении десятилетий сражались друг с другом насмерть, одновременно развлекая толпу и надеясь на помилование.

Позже зародилась традиция раз в год устраивать турнир, в котором последний выживший воин, полностью очистившийся от грехов, получал прощенье Геула и людей; мог выйти на свободу, распоряжаться своей жизнью, как ему вздумается, или же бросить вызов королю, а в случае победы над ним занять трон и верно служить народу. Правитель не мог отказаться от сражения, ибо считалось, что брошенный вызов – это проверка Геула. В первые годы многие испытывали судьбу, но история не знала ни одной победы велара, поскольку король считался избранным Богом и им хранимым.

На самом деле выиграть это сражение велару не представлялось возможным. Король, безгрешный пред лицом Геула, согласно статусу, облачался в доспехи и выбирал себе лучшее

⁷ Велары – каторжники, заключенные, рабы, сражающиеся на Арене.

оружие. Велар был вынужден драться, в чем пребывал на каторге, ибо если воля Бога помиловать и возвысить его, то он и голыми руками одолеет правителя, на чье место претендует. Король считался сильнейшим воином, и потому велар, чтобы заполучить его титул, должен был показать, что он сильнее. Не имея возможности победить, велары выбирали свободу, покидали арену и, как правило, Архорд, уезжая искать счастья. Со временем традиция бросать вызов королю практически стерлась из памяти людей, хотя каждый правитель и уважающий себя человек, умеющий читать, хорошо с нею знаком.

(Раадмир V Элькский «История Ревердаса том I»).

Пролог

С чего все началось

*Ветер рвал ее волосы, точно взбешенный.
Она смиренно стояла, не молясь, не взывая,
Только странно смотрела.
За спиной хрупкой стая не спеша пролетала.
Брата меч раскаленный стал теперь ее парой.
Им убиты не сотни и не десятки.
Только теплая кровь, что, сверкая, стекала,
Заставляла все вспомнить:
Как, бежав без оглядки,
В ту свирепую ночь она дом проклинала...*

– Хизер!

Резкий вопль, пропитанный ошарашенным отчаянием, унес порыв ветра. Прощальное эхо было последним, что она услышала в рокоте накатывающих волн. Голос принадлежал брату, единственному человеку на земле, с которым Хизер еще связывала одна кровь. Родственник, что прожил с ней недолгую обреченную жизнь, стоял на краю отвесной скалы, в кольчуге и бригантине, с таким видом, словно не успел протянуть руку помощи утопающему, а не сам поспособствовал его гибели.

Солнце временами выглядывало из-за туч, и от стали меча, не испившего сегодня крови, отражались резвые блики. Издалека они напоминали Хизер тревожные огоньки, будто снова разнеслась весть о начале Великой Кровавой войны. Ветер развеивал золотистые кудри, закрывая лицо молодого Иландара, которое выглядело властным и суровым, и в то же время испуганным, как у мальчишки, что впервые сел на коня. На нем залегли глубокие тени, отпечаток страшного настоящего, которое приходилось переживать, проглатывать как отраву, медленно разрушающую сознание и убивающую тело. Правая рука крепко сжимала взбудораженное схваткой оружие, но казалось, что она вот-вот дрогнет и уронит его.

«Шаахово дерьмо, – подумала девушка, летя навстречу волнам и скалам, – только не это».

Момент падения длился несколько секунд, но для принцессы он застыл. Время оцепенело перед надвигающимся концом. Ветер в последний раз просвистел в ушах, и мощный удар заставил ее выгнуться дугой. Хизер показалось, что она сломала позвоночник. Захотелось вскрикнуть, но звук тут же подавил поток соленой воды, хлынувшей в рот. Девушка больше не видела силуэт брата. Он исчез, растворился за бирюзовой толщей. Тени стали расплывчаты, а цвета смешались в один. Вот и все. Так и наступает смерть. В ней нет ничего героического. Выжить

может только один, и сегодня Хизер не повезло. Однажды так же не повезло ее предкам, не повезет когда-то и детям Иландара.

С тех пор как умер отец; с тех пор как младший брат, истекая кровью на дорожке в саду, шептал в агонии об адской боли и страхе – так, что никто не решился прервать его мучения, Хизер постоянно чувствовала, что смерть дышит в затылок. Это была ее судьба – не та, о которой позже сложат баллады, ведь Хизер, как и многие до нее, навсегда исчезнет из памяти людей. Настало время отправиться в Аридон, и пусть земные страдания останутся с теми, чьи глаза еще смотрят на мир. Сознание меркло, погружаясь в вечное забытие. Холод обступил, точно свинцовый гроб, крышка которого захлопнулась сама. Хизер пыталась пошевелиться, но не могла. Одежда и кольчуга тащили вниз, страх парализовал. Так происходило всегда. В самый неподходящий момент она оказывалась бессильна.

– *Вставай!*

– *Не могу...*

– *Вставай!* – *Деревянный прут обрушился на спину с такой силой, что девушка вскрикнула. Неудачное приземление... слишком неудачное. Хизер чувствовала, как сломанная кость покидает отведенное ей место.*

– *Не могу, мне больно! Больно!*

– *Боль должна стимулировать, а не убивать тебя! Вставай, слабая девчонка! Вставай или сдохнешь!*

Хизер слышала это безумное количество раз. Наследники престола не имели права расслабляться. Ревердасу не нужен слабый правитель. Бегай, таскай тяжести, рви свою плоть, бейся до потери сознания. Выгрызай победу и право на жизнь или катись к Шааху. Власть – необходимость, а не выбор.

– *Это нечестно, – жаловалась девочка, когда чувствовала, что вот-вот сломается. Тренировки изводили, жестокость учителей царапала душу, а уж презрительный взгляд отца... – Иландар старше и сильнее, потому что парень. Я никогда не смогу его победить! Никогда!*

– *Значит, достойно умри, – сухо отвечал король. – Каждому отведена своя роль.*

Хизер стискивала зубы. Дстойно умереть... почему она должна умереть?

Худшая участь на свете – родиться в королевской семье Ревердаса. В других странах было иначе. Быть принцем или принцессой – приятная привилегия. Но предки Дефоу решили сотворить свой закон, и кто она такая, чтобы не повиноваться общим требованиям? Хизер понимала, к чему ее готовят. Убей или будешь убит. Она не хотела уходить из жизни, хотя иногда задумывалась... может, по ту сторону лучше? Ежедневная боль. Хизер смотрела на старания братьев, вновь и вновь прокручивая мысль: «Они готовятся убить меня». Если с Ронаном она еще могла справиться, то Иландар стал проблемой. Он был выше, сильнее, быстрее. Он был прилежнее ее во всем, будто чувствовал, что станет королем. Жребий поставил его против Ронана, и последний ушел в Аридон. Теперь туда же отправлялась Хизер, и вовсе не потому, что ее проткнул меч брата, а по собственной неуклюжести. Как она умудрилась упасть с такой высоты?

Девушка закрыла глаза. Гул в голове стих, образы исчезли. Все кончено... смерть или... Внезапно крепкая мужская рука ухватила ее запястье.

* * *

– *Ваша сестра мертва?*

– *Вы же сами видели!* – *Иландар грубо задел плечом главного советника, подошедшего достаточно близко, чтобы глянуть юноше через плечо, и спрятал меч в ножны. Руки дрожали,*

но он крепко сжал кулаки, не позволяя себе проявить слабость перед лицами подданных. Мужчина пошатнулся, посмотрев в спину будущему королю, чей высокий статный силуэт одновременно и страшил, и вызывал благоговейный трепет. Тот шел быстро, опустив голову, ничего не видя перед собой. На лбу выступил пот, к горлу подкатила тошнота, сердце бешено колотилось. Иландару казалось, что его прерывистое дыхание можно услышать за много миль, что его отчаянный вопль разнесся по всем уголкам Ревердаса.

Камни хрустели, словно дробились под тяжестью грубых сапог. Иландар желал убраться с пустынного утеса, где почва потрескалась от засухи и только кое-где виднелся жухлый ковыль, подобно старику, клонящийся к умирающей земле. Не хотелось больше смотреть на скалы и море, пришедшее в движение из-за ветра. Не хотелось слышать шум волн. Перед мысленным взором рисовались страшные картины: он помнил, как днем ранее взмахнул мечом, прежде чем вогнать его под ребра младшего брата. Теперь юноша отправил на корм морским чудовищам сестру. Ледяная пучина забрала ее навсегда. Иландар остался один выживший. Он смог убить Ронана, смог убить Хизер. Теперь Ревердас принадлежит только ему. «Гордился бы отец? Ему тоже когда-то пришлось совершить подобное. Интересно, он чувствовал то же самое? Чувствовал ли дрожь и ненависть к самому себе? Почему же мне так мерзко?»

Иландар стиснул зубы от ноющего чувства в груди. Он не хотел, чтобы оно терзало его, мечтал, чтобы все прошло безболезненно, однако привязанность, которую он испытывал прежде, теперь заставляла его страдать. В Ревердасе может быть только один наследник. Так заведено, и никто заранее не знает, кто же им окажется.

– Ваше высочество! Примите мои поздравления... – Худошавый советник в красно-золотой накидке поспешил нагнать юношу, а поравнявшись с ним, перешел на шаг. На вытянутом лице отразилась улыбка. Увидев ее, Иландар не смог сдержаться. «Насмехается надо мной?» В юноше закипал гнев. Тяжелая рука тут же смазала с самодовольной физиономии все признаки радости, оставив едва видимый красный отпечаток. Советник оторопел от неожиданности и нахлынувшей боли. Он схватился за щеку и вытаращил глаза на дерзкого молодого человека.

– С чем ты меня поздравляешь?! С кончиной отца?! Со смертью брата и сестры?! Ты находишь это поводом для поздравлений? Считаешь, что это весело?

В порыве гнева Иландар забыл обо всех формальностях в обращении, так что Холгер Логенрос застыл, не веря собственным ушам. Прежний король был строг, но никогда не позволял себе открытой грубости и непочтения в отношении представителей знатных родов. Однако этот мальчишка, еще даже не взошедший на трон, не видит границ! Конечно, главный советник стар, да и кто он такой, чтобы бросать вызов за оскорбление Иландару Дефоу? Принц размажет его прежде, чем Холгер поднимет голову. Сомневаться в этом глупо. Иногда приходится проглотить обиду, вот только, оказавшись внутри, она пускает корни.

– Простите... Ваше высочество, я только хотел сказать, что очень рад, ведь вы остались живы, показав себя истинным воином, и теперь имеете все права на трон. Больше ни один из наследников не помеха этому. Вы прошли трудное испытание, однако держались достойно, и я выражаю свое глубочайшее почтение. Но, конечно же, и скорблю вместе с вами.

– Это гнусная ложь! Вам плевать на чужие жизни! Если бы сейчас умер я, вы вели бы себя столь же беспечно! – Иландар взмахнул рукой, и мужчина рефлекторно отпрянул, запнулся о валун, в результате чего едва не потерял равновесие. Порыв ветра распахнул расшитую золотыми нитями накидку.

– Не гневайтесь, ваше высочество. Мне искренне жаль, но ничего нельзя поделать. Таковы правила.

– Я знаю правила, так что прикуси свой проклятый язык, пока я не отрезал его и не бросил вслед за Хизер!

Ослушаться приказа советник побоялся и лишь молчаливо склонил голову. Иландар в последний раз одарил его испепеляющим взглядом и продолжил путь. Его трясло от ужаса

и ярости. Больше всего на свете он хотел, чтобы эта мука закончилась, чтобы нестерпимое чувство вины наконец отпустило.

«Хизер... святой Геул, мне так жаль... если бы ты только знала, как мне жаль. Если бы они позволили, я бы никогда не стал этого делать...»

Как назло, перед глазами вновь и вновь возникал образ девушки. Иландар часто убеждал себя, что ненавидеть брата и сестру проще, правильнее. Преврати человека в предмет, и тогда тебе не составит труда отнять его жизнь. Но и Ронан, и Хизер ему нравились. Какое-то гнетущее чувство родства не позволяло возненавидеть их. В особенности Хизер. Иландар сочувствовал ей. Девушки слабее, тоньше. Их проще сломать. Хизер делала все, что могла, но этого было недостаточно. Всегда вторая и всегда покалеченная. В редкие моменты, когда наследникам разрешалось отдохнуть, Иландар заставлял сестру за книгой. Она читала легенды о воинах, сражавшихся с чудовищами за мир для всех людей, и что-то в лице сестры искажалось.

– Интересно? – как-то спросил Иландар, пытаясь понять, что же чувствует Хизер. Они варились в одном котле. Юноша знал, что должен бороться за трон отца. Последний твердил об этом снова и снова. Ронан юн и глуповат, Хизер – слаба и импульсивна. Иландар – единственная надежда, и ему нельзя не оправдать ожиданий. Слишком многое стоит на кону.

– Угу.

Юноша присел рядом.

– Вдохновляет, да?

– Нет. Дарит уродливую и бредовую мечту. Стать бы одним из этих чудовищ...

Иландар приподнял бровь.

– Чудовищ? Зачем? Доблестные войны убивают их.

– Затем, что тогда можно вырваться из замка. Сбежать и спрятаться там, где ни доблестные войны, ни проклятые законы тебя не достанут.

Юноша сделал глубокий вдох.

– Правда этого хочешь?

Хизер закрыла книгу и приблизилась, посмотрев в его глаза так пристально и зло, что Иландар ощутил нехватку пространства.

– А ты думаешь, что я хочу дождаться, пока ты меня прирежешь?

– Не говори так. Может получиться и наоборот.

Хизер криво усмехнулась.

– Нет, ты знаешь, как будет. Я слабее. Отец тоже это знает. Признай, он видит наследника только в тебе. Что бы я ни сделала, так и останусь для него ничтожеством. Не заслуживаю и капли веры.

– Неправда. Он одинаково относится ко всем нам. И шансы наши равны.

– Не равны, Иландар, не пытайся утешить меня или себя обманом. Я девочка, и я ничтожна. Наверное, отец мог бы отдать меня какому-нибудь лорду, заключить удобный союз, но это ударит по его самолюбию, да? Его отпрыск или владеет государством, или мертв. Низшая роль непростительна.

– Ты бы предпочла родиться в семье простого воина?

– Да. Или даже крестьянина. Лучше помогать отцу в поле, чем ждать его с войны. Или вообще не рождаться.

– Но мы не можем изменить реальность.

– Конечно. Сегодняшнюю нет.

Хизер поднялась, чтобы уйти, но Иландар окликнул ее:

– Ты же знаешь, я тебя не ненавижу...

– Да, братец. Я тебя тоже.

Глупая. Иландар часто видел, как ее тошнит от вида крови. В тот злополучный день, когда наставник притащил кроликов, чтобы научить наследников убивать, Хизер стала един-

ственной, кто так и не смог отнять чужую жизнь. Тогда наставник сломал кролику лапы и бросил к ногам принцессы. Несчастное животное дергалось, Хизер так побледнела, будто хотела раствориться в воздухе.

– Ну же, убей хоть из милосердия! Он страдает из-за тебя!

Но Хизер просто смотрела, и тогда Иландар проткнул крошечное тельце мечом. За убийством животного последовало убийство человека. А теперь скончалась сестра. Стала воспоминанием, которое со временем погаснет и перестанет донимать.

«Я найду тебя», – пообещал Иландар. Он боялся увидеть сестру вновь, уже мертвой, холодной, распухшей от воды, но в душе надеялся, что тело ее не могло унести слишком далеко. «Она заслужила больше почестей и покоя в семейном склепе. Рыбам не достанется ее плоть».

По возвращении в замок будущий король отдал первое распоряжение: во что бы то ни стало найти тело сестры. Слуги ныряли до самой ночи, продолжили и с утра, но никаких следов покойной девушки обнаружить не удалось. «Ее унесло течением», – доложили Иландару на второй день. На третий состоялась коронация. На трон взошел новый наследник династии Дефоу.

Глава 1

Гости приходят ночью

Набрав в ладони воды, девушка плеснула ее в горящее лицо. Прохлада приятно взбодрила. Хаара выдохнула, как будто успела измучиться, склонилась над бочкой и всмотрелась в смутное отражение. Золотистые волосы, мягкие линии подбородка, глаза цвета изумруда. Практически копия матери. Внешне да, но не внутренне...

С кончика носа упала прозрачная капля и оставила расплзающиеся на воде круги. Хаара развернулась прежде, чем деревянный меч с шумом врезался в край бочки. Правой рукой она ухватила за свой, стоявший рядом, и своевременно успела отразить следующую атаку. Едва девушка отступила на шаг, последовал выпад и удар. Еще один и еще. Хаара успешно парировала их.

– Тебе не застать меня врасплох, Карлайл. Мне уже не шестнадцать. – Девушка пригнулась, уклонившись от тренировочного клинка, шагнула в сторону и нанесла секущий удар в район живота. Мужчина подался назад, и его не зацепило.

– Ловко, не спорю. Но быть бдительной – лишь половина дела. – Он снова бросился на нее. Девушка пригнулась, минуя летящий бутафорный меч, проскользнула у противника под рукой и, поравнявшись с ним, приставила деревянное острие к вспотевшей мужской шее. Карлайл рассмеялся, обнажая ряд ровных, но пожелтевших от времени зубов. Хаара удивленно взглянула на него. Чему только радовался?

– Хорошо, ты победила...

– Как всегда.

– Начинаешь зазнаваться, Хаара. Не к добру. Я же тебе поддался.

Девушка опустила тренировочный меч, взглянув на мужчину с неприкрытым осуждением.

– Прекрати делать вид, будто боишься применить силу. Если будешь вечно поддаваться, как я узнаю, что может свалить меня с ног?

– Узнаешь, если придет время. Я тебе в этом не помощник. Тише будешь – дольше проживешь. – Карлайл подошел к бочке с водой и тоже умыл лицо. Влага обдала разгоряченную кожу. Высокий широкоплечий мужчина с длинными темными волосами, высветленными редкой проседью, обладатель квадратного подбородка, усов и побледневшего шрама под газом усмехнулся отражению, про себя отметив, что выглядит еще довольно неплохо. Бывший член королевского совета, командир стражи во времена правления покойного Сарвэйха Дефоу. Когда-то король доверял ему, как никому другому. Оправдал ли Карлайл надежды, когда бросился за Хизер в море, надеясь, что она не убила о скалы, или предал веру в наследного принца? Он пошел против законов своей страны. Никто не имел права спасти наследников, однако мужчина не смог равнодушно смотреть на то, как погибает невинная девочка.

Пусть Хизер казалось, что родители не любили ее, это было не так. Во всяком случае, Эдда – мать, вынужденная жить с мыслью, что ее дети убьют друг друга, в душе страдала за каждого из них. Отчасти Карлайл радовался тому, что несчастная скончалась раньше мужа. Немногие знали, что в тот злополучный день у нее начались схватки. В мир должен был явиться четвертый ребенок, но Эдда отравила себя вместе с ним. Наверное, она долго раздумывала, но в итоге решила, что дитя все равно обречено. Королева не видела смысла в том, чтобы рожать снова, однако Сарвэйх принудил ее. Выход оставался один.

Во дворце предпочли скрыть это жуткое преступление против Бога и людям сказали, что королева умерла от кровопотери. Хизер и Ронан оплакивали ее, а Иландар стоял с перекошенным лицом, стараясь не выдать чувств, будто опасался реакции отца. Карлайл скорбел. Эдда нравилась ему. Она не была надменной по отношению к слугам и всегда старалась сгладить конфликты, которые возникали при дворе. Она мужественно переносила все то, что выпадало на долю королевы, хотя подвергалась страшнейшей моральной пытке, в итоге сломившей ее. Быть королевой Ревердаса – тот еще злой рок.

Сам Карлайл семьи не имел. Работа, требующая повышенной ответственности, не оставляла времени на знакомства и ухаживания – иными словами, помешала вступить в брак, – но за последние годы мужчина так привык к принцессе, что она заменила ему дочь, о которой он мог только мечтать. И Карлайл не хотел лишиться этого ребенка ни тогда, ни теперь. Она скрашивала его подступающую старость, хотя мужчина не признавался себе в том, что годы берут свое. Он не смог увезти Хизер слишком далеко от столицы, тем самым навсегда закрыв ей путь назад, но радовался их размеренной жизни вне Архорда. Эпицентр кровавой жестокости остался позади. На смену ему пришла утомительная обыденность, способная принести удовольствие лишь тем, кто знал времена похуже. До определенного момента Карлайл был убежден, что может навечно сохранить эту идиллию, спрятать принцессу от ужасов ее родной страны, однако незримое проклятье престола снова грозило разрушить их маленький мир. Девушка все чаще задумывалась о своем происхождении и занималась не тем, чем положено представительницам ее пола.

– Обед закончился. Пора возвращаться к работе. Заказчик скоро явится, нужно довести все до ума. Да и у тебя дел невпроворот.

Хаара опустила меч. С тех пор как их жизни изменились до неузнаваемости, дни стали слишком похожи друг на друга. Хотя... было ли по-другому раньше? Если большую часть жизни девушка выполняла команды в попытке постичь искусство выживания, то теперь она копалась в земле, стирала белье, готовила пищу. Посчитав, что лучше родиться в бедной семье и не бояться смерти, она быстро поняла, что во всяком положении есть свои минусы.

Карлайл работал в кузне, девушка виделась с ним не так часто. Мужчина приходил уставший и голодный. Хааре пришлось взять на себя домашние дела, хотя готовила она неумело. Четыре года назад любая ее стряпня могла повергнуть в шок, ведь принцессе никогда не доводилось заниматься подобным при дворе. Со временем навык улучшился, но до «вкусно» все еще было далеко. Каждый раз, жуя недосоленные, переваренные или, наоборот, недоваренные куски овощей и мяса, она мысленно проклинала себя и грезила о том, чтобы в доме появился человек, сведущий в искусстве приготовления пищи. Но он не появлялся. Изо дня в день Хаара снова и снова делала все сама.

Убрав деревянный меч в дом, она сложила в тазик грязные вещи и понесла их к реке. Пройдя по каменистому берегу, девушка выбрала наиболее удачное место и принялась за стирку. Согнуться в три погибели, окунуть... растереть самые грязные места, чтобы отжать, скрутить и бить о камни. Снова, снова и снова... У Хаары пульсировало в голове.

К берегу спустилась еще одна женщина, уже немолодая, вечно смотрящая с укоризной. Она притащила свои тряпки, но вместо того, чтобы заняться стиркой, долго наблюдала за стараниями Хаары и наконец открыла рот:

– Тебе уж сколько зим минуло? Отчего отец замуж не выдает? Старая дева никому не нужна.

Хаара изо всех сил скрутила мокрую тунику. Только не это... не снова.

– Вон, Гален себе жену ищет. Его скончалась зимой, так он еще мужчина в самом соку. И детишки у него крепкие... помогать будут. Слышь, девица?

Хаара стиснула зубы. «Спокойно, игнорируй ее».

– Что за девки пошли... Я к вам еще наведаюсь. Вот что значит отсутствие матери в семье.

Бросив мокрые вещи в тазик, Хаара поспешила к дому, так и не ответив противной бабке. «За собой следы, карга», – подумал она, чувствуя омерзение от мысли стать чьей-то женой: стирать, готовить и рожать до конца дней. Ну уж нет... только не это.

– Я так больше не могу, – бросила девушка за ужином, пристально наблюдая за тем, как Карлайл поглощает пресное рагу. Мужчина поднял вопросительный взгляд.

– Я поеду в столицу.

– Зачем?

– Там мой дом.

Мужчина дожевал овощи и медленно отложил вилку в сторону.

– Твой дом здесь, и он единственный. Что ты хочешь найти в Архорде?

– Хочу увидеть *его*.

Мужчина хлебнул браги и уставился на девушку.

– Глупо. И бессмысленно. Ты ничего не изменишь, и у нас не так много денег, чтобы тратить их на сиюминутные прихоти. Другие времена, смирись. Мы уже не живем в прошлом, его нет.

– Думаешь, мне жалко монет?

– Ты их не зарабатываешь, чтобы жалеть.

Девушка поджала губы.

– Ну да... я всего лишь пашу с утра до ночи, чтобы у нас была жарка и чтобы ты ходил в чистом. О мои мозоли можно затачивать ножи. А еще я терплю то, что всякие бабки льют мне в уши: «Отец не справляется, почему ты до сих пор не замужем?» Ты бы только знал, как мне хочется треснуть по их мерзким рожам... Вообще-то, все равно, я не спрашивала разрешения. Можешь перестать быть нянькой.

– Ты забываешься, Хизер. С каких пор твой рот стал такой помойкой?

Девушка вздрогнула, услышав собственное имя, произнесенное с укоризной. Оно резало слух, как острый клинок, и вызывало волну неприятных воспоминаний. Незатейливой вереницей друг за другом всплывали образы прошлого: высокие дворцовые своды, умирающий отец, что в лихорадочном бреде выкрикивал имена детей; сражения, отнимающие жизни родных, кровь младшего брата, холодная соленая вода, врывающаяся в легкие, последний возглас Иландара. Правила, что были придуманы давным-давно, обрекли ее родных на страдания, как и многие предшествующие поколения. Считалось, что только так можно удерживать крепкую власть в руках законного правителя. Истинный король не должен знать жалости.

Хизер вспомнила старшего брата: его искаженное лицо перед тем, как упала в воду. Она пыталась убедить себя, что проиграла из-за слабости и что Иландар действительно способен стать хорошим королем. Однако минуло три года с тех пор, как его забрала могила.

– Хаара... мое имя Хаара, – произнесла она тоном, не терпящим возражений. – Как ты и сказал, другие времена. Они рожают другие манеры.

– Послушай, Хаара, я не разделяю твоих чувств по поводу гибели брата, и мне чужда ненависть, которую ты питаешь к новому королю. Все это – не наше дело.

– Он не король, а трусливая шавка, – процедила девушка сквозь зубы. – Настоящий король мертв. Его предали.

– Вот именно. Иландар мертв. Этого уже не исправить.

– Верно. Трупы не возвращаются к жизни, но он должен быть отомщен.

– То, о чем ты гредишь, невозможно воплотить. В жизни так случается... людей убивают другие люди, преследуя гнусные цели. Помни, что Иландар тоже пытался убить тебя ради трона, быть может, это отмщение за тебя.

– Как ты смеешь так говорить?! – возмутилась девушка. – Мой брат исполнял долг, как и все мы! Ронан умер за то, чтобы наша страна никогда не подверглась опасностям из-за распрей, я готова была умереть за это, а ты смеешь осуждать Иландара? Он делал то же, что и наши предки, потому что так предписывалось наследнику! Никому не всадил нож в спину, мы сражались честно, и я честно проиграла.

– У тебя не хватало знаний и навыков, какая в этом честь? К тому же ты девушка, а вы от природы слабей, вы не предназначены для битв насмерть. Мудрый король должен был это предусмотреть.

– О, ну так походи и выскажи это останкам отца! Или Бердрору Дефоу, ведь по его милости мы все варимся в этом проклятом котле! Иландар в этом не виноват. Тогда я была слабее, но это не значит, что сейчас я такая же.

– А какая ты?

Хаара промолчала, не зная, что ответить. Сильно ли она изменилась за прошедшие годы? И в какую сторону? Карлайл тяжело выдохнул, чувствуя, что переубедить воспитанницу не удастся. Она давно хотела этого. Не осмеливалась сказать вслух, но мужчина видел, что Хаару тянет назад, в место, из которого она чудом выбралась живой. Лицо ее исказили враждебность и прикрытая равнодушием мука. Рана из прошлого снова начала кровоточить.

– Хорошо, – согласился он, – я поеду с тобой в столицу, но мы там не задержимся.

– Можешь остаться, я не пытаюсь уговорить тебя следовать моим прихотям.

– У меня нет другой цели в жизни, кроме как защищать твое высочество, пока не погибну сам. Еще пару лет назад я сказал бы, что это безумие. – Карлайл выдохнул и обвел взглядом их жилище. Взглянув на девушку, он уловил еле читаемую тень на ее лице. Неужели не уступит? Иногда Хаару посещали взбалмошные мысли, но здравый смысл Карлайла гнал их прочь, однако в этот раз мужчина чувствовал – что-то изменилось. Пусть он откажется или попытается вразумить ее, девушка не отступит. Может, в какой-то степени она права? Для человека, выросшего в шумной столице, прозябание в деревне может стать худшей пыткой. Не случится же большой беды, если они ненадолго уедут. Хаара посмотрит на Архорд, поймет, что все дороги там давно закрыты, и перестанет рваться. Возможно, есть смысл уступить. – Мы лишь посмотрим бой на Арене, ты утолишь интерес, и мы вернемся, согласна?

– Как пожелаешь. – Хаара махнула рукой, будто пыталась избавиться от назойливой мухи, и, взяв пустые тарелки, отправилась их мыть.

Она снова вспоминала дворец, пусть и не без ностальгии. Будто бы выбрала из двух зол меньшее. Сбежала от боли в рабство. Грубые раны затянулись, синяки сошли, и только ночные кошмары не давали принцессе возможности забыть о том, кто она такая. Поначалу Хаара верила, что они однажды прекратятся, ровно до того дня, как по королевству разнеслась весть об убийстве короля Иландара.

Принцесса до сих пор помнила шок, который испытала в ту секунду. Это был первый государственный переворот за всю историю Ревердаса. Девушка не могла поверить, что кто-то осмелился заколоть ее брата, даже не в честном поединке, а как пса. Она надеялась, что поднимется бунт, народ восстанет, но продажные лорды охотно поддержали нового правителя. На династии Дефоу поставили крест, будучи убежденными в том, что все дети Сарвэйха мертвы. Отчаянию Хизер не было предела. Она не могла простить людям, что они смирились со смертью законного правителя. В таком случае смерть Ронана и кучи наследников до них становилась бессмысленной. Ее собственные жертвы обесценивались. Узурпатор растоптал традиции и законы, но кучка вооруженных уродов убедила народ в том, что пора изменить правила.

Пожалуй, в тот миг, когда девушка услышала на улице песню, высмеивающую позорную смерть Иландара, в ней окончательно умерла надежда. Сломалось то, что Хаара так стремилась построить, и спустя всего год после того, как она решила забыть про существование меча, девушка взялась за него вновь. Она не сказала Карлайлу, зачем хочет учиться, лишь убедила в том, что мир небезопасен и лишним это не будет. Мужчина не возражал. Он сам был потрясен событиями и старался отвлечь принцессу, с таким рвением отдававшуюся тренировкам. Впервые в жизни Хизер верила в то, что делает нечто необходимое. У нее еще не было четкого плана, однако принцесса знала одно – доказать свою правоту в Ревердасе сможет лишь тот, кто физически сильнее.

«Я могла бы забыть обо всем, жить спокойно, как другие люди, заниматься тем же, чем и обычные девушки. Но этому не бывать. А все из-за вас. Меня не готовили к жизни простолюдинки. Вы изуродовали мое сознание, я не умею ничего, кроме как сражаться. И не хочу уметь. Тошнит. Ненавижу... Как смел ты умереть раньше меня? Как смел позволить зарезать себя, зная, что государство падет в ноги победителю?»

Солнце скрылось за горизонтом, когда Хизер вышла на крыльцо, чтобы подышать и успокоить мысли. Она знала, что будет дурно спать, и устала на обнаженное, мерцающее небесное полотно. Давно, еще в стенах злополучного дворца, принцесса читала миф о сотворении мира и с тех пор неоднократно смотрела на небо, пытаясь понять, подает ли Всевышний знаки тем, кто о них просит.

Когда-то в пространстве не существовало ничего, кроме Тысячеглазого бога – Геула. Однажды Геул настолько заскучал, что вырвал себе один глаз и раздавил его. Так возник Вечный океан, на дне которого из бывшего зрачка родилось другое, темное божество – Шаах. Из радужки глаза появилась земля, и создал на ней Геул леса, степи, горы. Осветил он творение свое самым крупным из своих глаз, но вскоре понял, что ему по-прежнему тоскливо. Тогда создал Геул людей, чтобы ухаживали они за землей да показывали ему истории. Тем временем выбрался Шаах на сушу и захотел сам на ней править. Пытался склонить он людей на свою сторону, но потерпел неудачу. Те боялись его безобразного вида и были преданы Геулу. Тогда решил Шаах создать тех, кем он будет править, и выпустил в мир множество чудовищ, которые начали охотиться на людей. Геулу это не понравилось, и он научил людей делать оружие, чтобы противостоять злу.

Тогда Шаах снова напал на людей, принес в жертву десятки, а из их тел вылепил существ, которых наделил огромной силой и назвал шархадарт. Они обладали разумом и умели создавать живое из неживого. Верные Шааху, они решили поработить людей, но Геул снова вмешался и заточил их вместе с другими чудовищами в лесу на самом краю Ревердаса. Лес тот, позже получивший название Дэррад, Геул отрезал от внешнего мира с помощью пяти печатей, сломать которые изнутри было нельзя. Отдав шархадарт немалую часть своих сил, Шаах ослаб и снова скрылся в Вечном океане.

Прошло много лет, люди расселились по всему континенту, построили лодки и спустили их на воду, чтобы проверить, есть ли другая земля за горизонтом. Тогда Шаах устроил на море шторм, а когда измученные жаждой и голодом выжившие стали думать, как спастись на оставшихся обломках, явился к ним и предложил сделку. Он пообещал людям перерождение, долголетие, красоту и особый дар взамен на их души. Несчастные согласились. Тогда Шаах коснулся шеи каждого, оставив на них черные метки, напоминающие закручивающийся след от пальцев. Темный бог вернул людей на сушу и предложил испытать полученный дар. Одни научились управлять стихиями, вторые – кровью живых существ, третьи – манипулировать разумом, а четвертые стали более слабой версией шархадарт – научились рушить и создавать что угодно, но в ограниченных количествах и с меньшим мастерством.

Шаах велел им не показывать своей силы до определенного времени, так что маги поселились отдельно, а через сотни лет размножились настолько, что стали представлять угрозу

для людей. Тогда Шаах велел им отнять земли у детей Геула, но тысячеглазый бог вновь пришел им на помощь и подарил людям «красную кару», способную уничтожить магию. С тех пор люди и маги враждуют. Геул покровительствует ордену Светоносцев, который избавляет земли людей от зла, а Шаах продолжает подпитывать своих слуг силой и вынашивает новый план по захвату власти над миром.

До сих пор Хизер думала о том, что у Геула есть все ответы. Сарвэйх часто советовался с Верховным Отцом, божьим наместником и проводником. Власть церкви была второй властью в Ревердасе, а иногда Хизер казалось, что первой. Битвы на Арене, борьба наследников за власть – все сводилось к заповедям божьим, к его представлениям о добродетели и чести. Все делалось во благо, но в последние годы Хизер задавалась вопросом: «Почему то, что является благом для одного, непременно служит наказанием для другого?» Она знала, что в Ревердасе действует закон постоянной борьбы, ведь Геул покровительствует сильным и отважным, но с тех пор, как умер брат, Хизер усомнилась в том, что всемогущий бог справедлив, иначе зачем он позволил трагедии случиться? Иногда ей казалось, что главная причина – она. Геул наказал Иландара за то, что тот не убедился в ее гибели, не довел дело до конца, занял трон, не убив сестру, тем самым нарушив традиции и закон. Стоило ли Хизер раскаиваться? Сожалеть о том, что она выжила? Она прекрасно знала, каков ее долг, но также знала, что ни за что не вернулась бы во дворец, чтобы честно исполнить его. Она хотела сбежать, и ей представился шанс. Геул мог позволить ей умереть в тот день, отвести подальше Карлайла, но он ничего не сделал, лишь наблюдал. Возможно, он лишь наблюдал и когда убивали Иландара. Что бы это могло значить? Он изначально не хотел, чтобы Иландар занял трон? Спас Хизер потому, что видел в ней потенциал? Или это злой умысел? Урок династии, что придет на смену Дефоу? Хизер не хотелось верить в то, что бог больше не на ее стороне, но убедиться в обратном она пока не могла.

* * *

Умиротворенная ночь раскинулась над Реведасом, во всяком случае, в тех местах, где было безлюдно или люди благоразумно заперлись в домах, помолвившись на сон грядущий. Из сумбурного сна, сопровождаемого пляской красок и теней, забытых и воображаемых образов, девушку вырвал приглушенный стук. Сначала она не отреагировала, лишь перевернулась на другой бок, плотнее укутавшись в покрывало, и попыталась вернуться к неведомому карнавалу, что с каждой секундой отдалялся и в конце концов превратился в крохотную точку, расплывшуюся чернильным пятном необъятной тьмы. Стук повторился. Хаара открыла глаза. Мрак заполнял комнатушку, в которой она спала, но как будто слегка оторопел и отступил, когда девушка очнулась. Гости приходят ночью. Покинув стены замка, девушка в полной мере осознала смысл этой фразы. Разумнее всего игнорировать, но принцессе хотелось выспаться, все-таки грядущий день она планировала провести в седле.

Приподнявшись, Хаара нащупала рукоять меча. Снова стук. Подозрительная настойчивость. Ступни коснулись скрипящих половиц, от которых веяло холодом. Передвигаясь на носочках, девушка добралась до двери и, заведя за спину правую руку, крепко сжала эфес. Сталь весила больше древесины, и обращаться с ней было сложнее, однако Хаара не сомневалась в приобретенных за прошедшие годы навыках. Она прислушалась, но по ту сторону воцарилась пугающая тишина. Щелк. Дверь приоткрылась с угнетающим стоном. «Ну же, иди сюда». Хаара напряглась, готовясь дать отпор чему угодно, но атаки не последовало.

– Помогите мне, пожалуйста... – тонкий надрывный голос ворвался в ночное безмолвие.

Он принадлежал мальчику, стоявшему на пороге. Ростом он был Хааре по пояс. Его лицо, невольно вызывавшее сострадание, озарял призрачный лунный свет. Правую щеку уродовал порез, из которого сочилась кровь, в темноте напоминающая смолу золотисто-черного цвета.

К босым ногам, перепачканным почти до колен, пристали сухие листья и соломинки. Одежда, порванная в нескольких местах, висела на худощавом теле.

Мальчик приподнял голову, посмотрев на Хаару с мольбой, и прошептал:

– Они убьют меня... пожалуйста, впусти. Позвольте спрятаться. – Тонкие губы задрожали, готовясь издать мучительный стон. Девушка сильнее сжала пальцы, чувствуя вес меча.

– Прости, – холодно сказала она. – Мальчикам вроде тебя не следует бродить по ночам. – И едва малец успел понять, насколько ответ не оправдывает его ожиданий, воздух разрезал свист стали.

Лезвие пролетело над головой мальчика, который, в свою очередь, пригнулся, не позволив сразу же себя разругать. Лицо его мгновенно приобрело озлобленное выражение. Мальчик оскалился, словно хищник, и, ядовито зашипев, кинулся на Хаару. Маленькая голова с треском разорвалась пополам, являя чудовищную клыкастую челюсть. Прыжок позволил существу в одно мгновение взмыт над девушкой и протянуть к ней руки, покрытые мелкими шипами. Хаара пригнулась, подавшись вперед, так, что хищник перелетел через нее. Она развернулась, и в это же мгновение существо устремилось вперед, не давая возможности занести меч. Хаара пнула его в живот и оттащила от дома. Зубастая челюсть вцепилась в правую руку. Девушка вскрикнула, перехватив эфес левой, вскинула меч и рубанула по твари. Клыки сильнее вонзились в плоть, и Хаара нанесла еще один рубящий удар. «Не откуси мне руку, тварь!», – подумала она, стиснув зубы от боли. Струя крови ударила в лицо. Часть раздвоившейся головы упала к ногам, но зубы еще впивались в мясо, пусть и несколько ослабив хватку.

Из хижины выскочил растрепанный Карлайл с перекошенным от ужаса лицом. Казалось, он только сейчас услышал шум и пришел в замешательство от увиденного. В одно мгновение он преодолел расстояние до девушки, взмахнул клинком и опустил его на тело когтистого существа, позволив останкам свалиться под ноги Хаары и забрызгать их темной слизью. Девушка выругалась и отступила. Она выронила оружие и схватилась за руку, на которой расцвели глубокие раны. Горячая кровь, стекая по запястью и пальцам, стремительно капала на землю, впитывающую ее, словно нектар.

– Хизер! Проклятье! Что ты творишь? – Бросив меч, Карлайл бегло осмотрел ранение. – В дом. Давай быстро, пока яд не распространился! – Подталкивая принцессу в спину, мужчина завел ее обратно в хижину.

Он зажег свечу, дабы осветить пространство, и стал бегло перебирать вещи в старом деревянном шкафу. Вскоре достал оттуда бутылек с коричневой жидкостью, порвал какую-то тряпку, смочил ее и приложил к окровавленной руке. Хаара дернулась и закричала, но мужчина схватил ее за плечи, не дав подняться. В руку словно вонзилась тысяча раскаленных игл. На глаза девушки навернулись слезы. Она стиснула зубы и зажмурилась, не зная, как вынести эту боль.

– Терпи, скоро полегчает.

Хаара согнулась, прижав голову к коленям, и стала делать глубокие вдохи, стараясь абстрагироваться от острого ощущения. Постепенно боль перерастала в агонию. Проклятый садал⁸... как же легко он всадил в нее зубы!

– Сиди здесь, я заберу оружие и запру дверь, – с этими словами Карлайл вышел, оставив девушку наедине с крохотным пламенем свечи.

Хаара слушала собственное прерывистое дыхание и пульс, что ударом молота отзывался в висках. Через пару минут боль начала спадать. Вскоре вернулся Карлайл. Он громко задвинул засов и оставил оружие у входа, прежде чем шагнуть в комнату. Пламя свечи отбрасывало на его лицо жутковатые тени. Нахмурившийся мужчина выглядел многим старше своих лет. Он присел около Хаары и с беспокойством коснулся ее руки.

⁸ Садалы – ночные оборотни, принимающие облик стариков и детей, чтобы ввести жертву в заблуждение.

– Дай посмотрю. – Девушка не стала возражать. Мужчина внимательно изучил следы от укуса, налил на тряпку еще раствора и обмотал ею руку. – Повезло, что не оторвал. Чем ты вообще думала? Нельзя открывать дверь по ночам. Забыла? С наибольшей вероятностью там могут оказаться садалы или еще кто пострашней.

– Знаю... я собиралась убить его сразу же, но...

– Но не убила. Хаара, мне что, теперь ночами не спать, чтобы ты не наделала глупостей? Следить за тобой, как за ребенком?

– Я в порядке, Карлайл, и не нуждаюсь в наставлениях. Возвращайся в кровать, ничего не отменяется. Утром отправляемся в столицу.

– Поразительно! – саркастически усмехнулся он. – До нее пять дней пути. Ты и в седле не удержишься.

– Не переживай. – Хаара поднялась на ноги, прижимая к груди перевязанную руку. Она отвернулась, чтобы не видеть осуждающего взгляда мужчины и не показывать ему опухшие от слез глаза. – Удержусь.

– Ты вообще о себе не печешься? Откуда в тебе столько самоуверенности? – Карлайл вскочил, не в силах сдерживать нахлынувшие ярость и недоумение. Ее ровная спина была для него вызовом, протестом против его отцовской любви. – Неужели забыла, что такое настоящая боль? Забыла, что в этом государстве убивают, и убивают жестоко? Кем ты мнишь себя? Бессмертной?

– Скорее удачливой. Всегда вторая, всегда слабее. Но, смотри-ка, я до сих пор жива, чего не скажешь об Иландаре.

– Ты жива благодаря мне.

– И правда. Надеюсь, ты об этом не сожалешь.

Мужчина неодобрительно покачал головой.

– Не носи чушь.

– Доброй ночи, Карлайл.

Мужчина промолчал, глядя на девичий силуэт, скрывшийся в соседней комнате. Легкомыслие и безрассудство принцессы поражали и пугали одновременно. Как она может так просто уйти и снова лечь спать, когда еще несколько минут назад выла от боли? Как может сделать вид, будто ничего не произошло, когда только что сражалась с чудовищем, когда жила в стране, захваченной худшими из людей? Что скрывала ее душа? Чем наполнились мысли? Карлайл не мог найти ответ, хотя думал, что знает Хаару как никто другой.

«Спать, так спать», – решил он через несколько минут раздумий и вернулся в кровать. Если с утра они отправятся в столицу, Карлайл должен набраться сил. Только в бодрости и здравии он будет способен защищать ее.

Хаара слышала, как скрипнули половицы. Карлайл погасил свечу и отправился в постель, но она не могла сомкнуть глаз. Приложила руку к груди и сжала в ладони круглый серебряный медальон. Его подарил Иландар в день их последней встречи, в день ее негласной казни. В голове до сих пор звучал шум прибоя, и казалось, будто ветер снова хлещет по щекам. Тогда брат сказал: «Если повезет, он защитит тебя, а если нет, то моя душа умрет вместе с тобой». Жизнь ловко сумела обыграть его слова. Пальцы нащупали шершавый силуэт ветвистого дерева.

«Он защитил меня, братец, я все еще жива. Быть может, сохрани ты при себе семейную реликвию, все было бы иначе. Теперь тебе осталось наблюдать с того света за тем, как я приближаю свою смерть. Но одна я не умру и уж точно не погибну бесполезно», – с такими мыслями Хаара закрыла глаза. Левая рука безумно ныла. Мрак в комнате снова сгустился. «Завтра уедем... – думала Хаара, пытаясь явственно представить лицо главного врага. – Лонгрэн, я уже близко...»

Глава 2

Когда прилетают эрии

Едва забрезжил рассвет, Хаара поднялась с кровати. Оставшуюся часть ночи она дурно спала. От пережитого шока подташнивало, голова болела, но, несмотря на это, девушка не отказалась от поездки. Она с трудом оседлала лошадь – не получалось запрыгнуть так, чтобы не задействовать раненую руку. Принцесса ахнула и скривилась, но тут же смолкла и больше не издала ни звука. Она знала, чем это чревато. Карлайл только и ждет повода все отменить, в крайнем случае – отложить, но Хаара слишком засиделась в глуши.

Несколько лет она прокручивала в голове один и тот же вопрос: «Что я должна сделать?» Все считали ее мертвой; девушка могла продолжить играть эту роль, но давящее чувство несправедливости набухало, доставляло не только моральный, но и физический дискомфорт. Хуже того – Хааре снился Иландар. Он приходил каждую ночь. Иногда молчал, бесстрастно глядя из-за серой завесы, иногда навязчиво шептал проклятья, пытаясь убедить сестру, что род Дефоу обязан вернуть принадлежащую ему по праву власть. Хаара толком не знала: шутит ли с ней большое воображение или призрак брата действительно не находит покоя. Могут ли мертвые вообще изъявлять волю? «Удивился ли он, умерев и обнаружив меня по эту сторону жизни?» – думала она.

Этим утром, когда принцесса выпала из полудремы, она заметила стоящую у окна фигуру. Почти прозрачный Иландар с легкостью пропускал через себя первые солнечные лучи. День должен был растворить тени, но его сил не хватало на то, чтобы заставить исчезнуть брата. Порой девушке думалось, что Геул, ослепленный пороками людей, стал закрывать глаза. Огромная туча из человеческих грехов сгущалась высоко в небесах, грозя навсегда отрезать континент от его создателя.

Хаара чувствовала сверлящий взгляд, под которым невозможно расслабиться. Черты красивого юноши стерлись, кожа и волосы потускнели. Смерть уродовала всех. На его шее багровела широкая резаная рана – свидетельство утраченной жизни. Девушка знала, как все случилось, лишь потому, что Иландар ей рассказал. Это было одним из его любимых занятий – пересказывать историю собственной смерти снова и снова, сводя Хаару с ума. «Прекрати», – она пыталась отгородиться, зажмурить глаза. Призрак все равно не исчезал. *«Почему? Тебе надоело слушать? А влачить убогое существование – нет?»*

В конце концов Хаара осознала, что так продолжаться и правда не может. Зачем она выжила, если ничего не предпринимает? Не для того ли Геул дал ей второй шанс, чтобы изменить ситуацию? Принять обстоятельства и справиться с ними? Звучит красиво, только как осуществить подобное? Она одна в целом мире. Даже Карлайл ничем не подсобит в борьбе против Лонгрена и его подданных. Предатели. Раньше девушке казалось, что таковых быть не может, все трепетали перед фигурой Сарвэйха, но где же облажался Иландар? И что теперь делать

ей? Сторонников нет, грязные методы бессмысленны, если после смерти короля тебя никто не поддержит. Оставался только один вариант, и, увы, Хаара знала, что он ужасен. Смертелен для нее.

«Жалкая», – сказал Иландар, отойдя в тень, где его бросающаяся в глаза рана стала выглядеть еще омерзительней.

Хаара не ответила. Она никогда не отвечала, будучи уверенной, что находится в сознании. Если услышит Карлайл, примет ее за сумасшедшую. За три года мучений девушка так и не рискнула рассказать ему о снах, а наяву Иландар стал появляться совсем недавно. Хааре казалось, что брат будет преследовать ее до конца дней. Его тень срастется с ее собственной, а голос так и будет нашептывать: «*Ради чего ты выжила? Чтобы сдохнуть, как ничтожество, в глуши?*»

Изо дня в день Хаара пыталась убедить себя, что становится сильнее. Она должна, если хочет со всем покончить. Видимо, избавиться от проклятья рода Дефоу можно только умерев, однако девушка боялась попасть на ту сторону. Что сделают с ней призраки братьев и отца, зная, что она пережила их всех и при этом меньше всего была достойна жизни? Сам Геул не спасет ее от расправы.

Пришлось ехать в Архорд. Без четкого плана, с посредственными бойцовскими навыками. Сначала она увидит *его*, а уж потом подумает, стоит ли игра свеч. Может, хоть призрак Иландара заткнется, заметив, что Хаара сдвинулась с места.

С Карлайлом она не разговаривала, хотя на то не было видимых причин, и мужчине показалось, будто между ними выросла стена. Принцесса просто не знала, что сказать. Когда не можешь оправдать собственную глупость, молчи. Мужчина украдкой поглядывал в ее сторону: уставшее лицо бледнее обычного, под глазами залегли тени – свидетельство мучительных бессонных ночей. Временами Хаара морщила нос, когда по неосторожности задевала свежую рану.

Карлайл оттащил тело садала со двора, чтобы прохожим не бросалась в глаза кровавая картина, и понадеялся, что оставшиеся следы сражения смоет дождь. Он подошел к Хааре прежде, чем они успели отъехать, и предложил заново перевязать руку. Девушка не возражала. Во время процедуры она постоянно отводила взгляд и поджимала губы. Карлайл ловко справлялся с перевязкой. Он истомился в ожидании разговора, который так и не состоялся.

– Готово, – сказал он наконец, и Хаара медленно опустила руку.

– Спасибо, – сдержанно ответила она, на что мужчина лишь кивнул.

Он собрал оружие, необходимую провизию и воду. С петухами путники выехали на дорогу и отправились в путь. Они ничего не обсуждали, но оба чувствовали – спокойная жизнь остается позади. Неприятное чувство посетило обоих – что-то надвигалось... Хаара попыталась игнорировать внутреннюю дрожь, а та сбивалась в комок и подступала к глотке. Первую половину дня оба молчали, думая каждый о своем. Дорога вилась через вспаханные поля, которые крестьяне засеивали после схода снегов, затем стала спускаться в небольшую низину, а позже круто поднялась к холмам.

Один раз путники сделали привал. Они молча перекусили и продолжили путь. Безмолвие начинало стеснять мужчину, и он вдруг почувствовал себя виноватым.

– Хаара, – заговорил Карлайл спустя некоторое время, – помнишь, как однажды отец взял тебя с собой на объезд владений? Давно, ты тогда и до локтя ему не доставала. Вас сопровождал сир Барлей, ну тот, с бородавкой над губой. Иландар еще пугал, что этот верзила украдет тебя, если будешь ныть.

– Помню, я ведь подвернула лодыжку, когда отцу пришла мысль подняться в гору. Сир Барлей меня и тащил. Что с ним потом стало?

– Умер года через три. В сражении с сиром Егелем Арфелом.

– Егель Арфел... я слышала это имя.

– Нынче он глава Свердийского ордена. Известный человек.

Хаара хмыкнула.

– Важность сверров преувеличена.

– Только не вздумай говорить им это в лицо.

– Почему? Потому что вопреки мнимому благородству они не станут думать дважды, прежде чем размозжить мне голову?

– Пожалуй, они не будут столь милосердны. – Повисла недолгая пауза. Карлайл обвел взглядом горизонт и сделал глубокий вдох. Давно они не покидали пределы Героу. Теперь даже в воздухе чувствовалось что-то роковое. Мужчина не знал, какая именно опасность ждет впереди, но чувствовал – добром эта поездка не кончится. – Помню, мы ехали по такой же долине, а затем свернули в северные леса. Проходимость ужасная, снег толком не сошел...

– Теперь он выпадет не скоро, к чему ты это?

– Просто вспомнил, как ты расплакалась и сказала отцу, что больше никогда не покинешь столицу и что мир за ее пределами страшный и грязный.

– Насчет второго я была права.

– Нет.

Хаара бросила на мужчину озадаченный взгляд.

– Столица – скопище грязи, место, которого стоит опасаться больше всего, но тогда ты об этом еще не знала.

– Столица не такое уж плохое место, если правит мудрый король.

– Мудрый король... – иронично повторил Карлайл, про себя подумав, что мудрости правителям Ревердаса никогда не хватало.

Они пересекли очередной холм и выехали на короткий отрезок ровной дороги. Казалось, что лошади вздохнули с облегчением. Где-то впереди слышался шум. Карлайл сощурился и присмотрелся, но в отдалении заметил лишь широкое темное пятно.

– Там кто-то есть, – сказал он, но Хаара уже успела натянуть капюшон.

Она соблюдала осторожность, боясь, что случайный встречный ненароком узнает в ней принцессу. Карлайл в этом сомневался, поскольку большинство тех, кто знал Хизер в лицо, давно покоились в могиле. К несчастью, исключения существовали, и оттого мужчина еще сильнее не хотел возвращаться в Архорд. Он терзался дурным предчувствием, но не мог назвать вескую причину своей тревоги и заставить девушку повернуть назад.

Они молча ехали дальше, пока не увидели впереди небольшой придорожный лагерь. Кто-то разжег костер и расположился между растущими вблизи березами. Хаара осторожно выглянула из-под капюшона и заметила троих крупных мужчин, сидящих у огня и передающих друг другу замызганную жирными руками флягу. Неподалеку от них, привязанные к дереву, сидели две тощие девочки с запачканными не то сажей, не то землей лицами. У одной была разбита губа, и по подбородку текла тоненькая струйка крови. Пряди засаленных волос торчали во все стороны, как и у бедняги рядом, что тряслась и жалась к подруге по несчастью. Совсем юные, вряд ли им больше двенадцати.

– Эй! – крикнул один из мужчин, поднимаясь на ноги, когда лошади путников поравнялись с компанией. – Вы кто такие? – Судя по всему, он захмелел, потому что, встав, пошатнулся, но все-таки не упал.

Хаара придержала поводья и ниже опустила голову. Ее пробрал озноб, вызванный отворачиванием к незнакомцам.

– Простые люди, – ответил Карлайл, – едем с миром.

– Куда это вы едете в такой час? Темнеет. Дороги нынче небезопасны. Может, присоединитесь к нам?

– Благодарим за приглашение, но мы торопимся.

– Отказывать предложившим приют – невежливо, не находишь? – Мужчина вскинул арбалет. – Слезайте с лошадей.

У Хаары перехватило дыхание. Вот они – проблемы. И почему все так оборачивается? Они же ехали по тракту, здесь не так высок риск нарваться на каких-нибудь уродов, поскольку важный торговый путь вблизи столицы патрулировался стражей, однако мужчины были пьяны и держали пленниц. Плохие ребята. Стоило объехать их стороной.

После секундного замешательства Карлайл спешился. Хаара последовала его примеру. Пульс участился. Что теперь? Она окинула взглядом троицу: арбалет только у одного, на перезарядку требуется время. Если спровоцировать выстрел, можно попытаться удачу в битве на мечах, но где гарантия, что стрела не вонзится в голову ей или Карлайлу? К тому же реальная битва – не то же самое, что тренировка. Сумеет ли она вонзить меч в человека? По-настоящему отнять чью-то жизнь?

– Оружие на землю и подошли сюда.

Двое других мужчин поднялись и пошли навстречу путникам. Карлайл и Хаара отвязали мечи.

– Нам не нужны проблемы, – сказал Карлайл, – денег у нас нет, вам будет нечем пожить.

– А это мы уже сами решим.

Хаара заметила мелькнувший неподалеку призрак Иландара. На лице его читалась смесь заинтересованности и неприязни.

– *Кажется, сейчас тебя трахнут.*

«А ты насладишься зрелищем?» – хотела бросить девушка, но вовремя спохватилась. При жизни брат был более приятным человеком. Так получилось, что от него требовали больше, чем от других. Он был старше, сильнее и образованнее. Гордость отца, надежда Ревердаса, а теперь назойливый призрак, чье изуродованное тело уже давно разложилось в выгребной яме, куда его выбросили.

Хаара неуверенно шагнула вперед. Приблизившийся к ней мужик покачивался. От него разило перегаром и мочой. Принцесса могла бы попытаться отбиться, но что будет делать Карлайл? Сможет ли он ответить на удар, если потребуется? Куда выстрелит арбалетчик, если начнется заварушка?

– *Действуй или будет поздно,* – посоветовал призрак, но Хаара не могла. Она боялась. Человек, заменивший ей отца и ставший его лучшей версией, превратился в ее слабость. Девушка не могла пойти на риск и ударить, ведь если Карлайла убьют, от нее точно ничего не останется. Мужик сдернул с Хаары капюшон и присвистнул.

– Симпатяжка!

Второй замахнулся, чтобы ударить Карлайла, но мужчина увернулся. Краем глаза Хаара заметила, как его кулак врезается ублюдку в нос. Послышался хруст. Арбалетчик попытался прицелиться, однако спина товарища служила Карлайлу отличным щитом. Хаара почувствовала, как ее схватили за волосы и вытянули вперед.

– Ах ты, урод, хочешь, чтобы сучка сдохла?

Меч оставался позади, но был еще нож. Небольшой, тот, что легко спрятать за поясом. Хаара знала, что должна воспользоваться им. Все может разрешиться благополучно, если она станет защищаться, но враги должны умереть. Ей придется совершить убийство. Ревердас требовал дани. Он не просил принцессе отречения от жестокости. Выхватив оружие, девушка полоснула лезвием по мужскому запястью. Враг рефлекторно разжал волосы, на которые брызнуло красным.

– Дрянь!

Арбалетчик прицелился и выстрелил. Хаара стояла к нему спиной, но в это время враг замахнулся, так что девушка пригнулась, уходя от удара. Болт вонзился нападавшему в глотку.

Она выхватила меч из ножен поверженного врага и бросилась к арбалетчику. Тот, зная, что не успеет сделать второй выстрел, откинул бесполезное оружие и тоже обнажил клинок. Сталь ударила о сталь. Хаара не видела, что происходит с Карлайлом, но была уверена – он справится.

Ложный выпад, взмах, удар. Уже не тренировочный бой. Вес настоящего меча оттягивал руку. Хаара проиграла садалу, победит ли она человека? Боль пронзала свежую рану. С каждым резким движением она лишь усиливалась. Не хватало сил нападать, только парировать удары. Целью девушки было не столько победить, сколько лишить противника возможности стрелять. В глубине души она надеялась: Карлайл подоспеет раньше, чем ей снесут голову.

– Это все, что ты можешь? – буквально выплюнул противник. Хаара осталась равнодушна к его выпад.

Где-то неподалеку мельтешил призрак Иландара. «Победи», – шептал он ей, но она знала, что не может. Не случись накануне нападения и не будь она ранена, все сложилось бы иначе. Однако биться в полную силу, чувствуя, как кровь снова течет к запястью, невозможно. Хааре приходилось уклоняться. Каждый удар по мечу заставлял ее стискивать зубы. «Господи... ну почему?» Мужчина не уставал наступать. Хаара начинала опасаться, что вот-вот сдаст позиции. И что тогда? Ее зарубят? Стоило подумать так – и руки дрогнули. Меч соперника взметнулся. Слишком быстро. Не успеть отбить. Хаара задержала дыхание. Сейчас она присоединится к брату. Однако встрявший между ними клинок помешал противнику нанести роковой удар. Карлайл. С мечом.

– Отойди!

Спасена. Хаара не стала спорить. Она отпрянула и бросила взгляд туда, где распласталось второе тело. В темноте было не видно, как именно убили разбойника, но девушке было все равно. Главное – он мертв.

Карлайл вступил в бой с большим рвением. Впервые принцесса заметила, что все это время он и правда сдерживался с ней. Смешно. Да, он смеялся, давая ей возможность победить, и вот результат. Она ничтожество, не способное себя защитить. Под натиском Карлайла боевой запал противника пошел на убыль. Бывший командир королевской стражи не чета неопытной принцессе. Взмах, удар, выпад. Один неосторожный шаг, неверный расчет – и вот, меч Карлайла уже рассек противника от плеча до груди. Хаара сомневалась, что ей хватило бы сил на подобный удар. Бандит выронил оружие и осел. Следующим взмахом Карлайл почти снес ему голову. В отблесках пляшущего костра казалось, что из обрубка тупыми толчками бьет черная, словно помыслы ублюдка, грязь. Хаара смотрела на жуткую картину несколько секунд, а затем ее стошнило.

Уронив меч и опустившись на землю, чтобы не запачкать одежду, девушка исторгла из себя все, что съела за день. Вид крови... ее запах... непереносимо. Хаара боялась, что никогда к этому не привыкнет. Она не хотела плакать, но слезы все равно потекли из глаз. Девушка наскоро вытерла их, пока не заметил Карлайл, но мужчина уже подошел ближе.

– Тебя ранили?

– Нет.

– Что, неприглядное зрелище? Я говорил, что ехать в столицу – скверная идея.

– И что? Мы до конца дней должны были сидеть в Герроу?

– Да, а что тебя смущало? Мы прекрасно жили все эти годы, я думал, этого ты и хочешь.

«Хочу?» – подумала Хизер, но, подняв голову, увидела за спиной Карлайла Иландара. Брат молчал, однако в его взгляде читалось неприкрытое осуждение.

– Осмотрись. Видишь, что представляет собой Ревердас? Страна необузданных варваров. Они убивают, потому что могут, покупают людей, потому что могут. Все это допустили твои предки, потому что законы работали не так, как хотелось бы людям. И в Архорде таких мразей во много раз больше. Нам лучше вернуться.

– Нет.

– Нет? Если хочешь посмотреть на смерти, для начала прекрати блевать. Случись нечто подобное на арене, сидящий впереди зритель не оценит.

Хаара поднялась и вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Все сказал?

– А тебе есть что возразить?

– Давай поедем дальше, я не останусь здесь ночевать.

– Да уж, нехорошо получится, если кто-то найдет нас рядом с тремя трупами. Придется свернуть с тракта.

– Зачем ты это делаешь?

– Что?

– Осуждаешь. Говоришь с таким видом, будто я виновата в случившемся. Это ты мог бы предвидеть, что на нас нападут.

– Неужели? А не я ли пытался отговорить тебя от этой поездки?

– В твоей голове всегда только один вариант возможных действий? Мы могли объехать их.

– Ты хоть представляешь, что такое езда в темноте по бездорожью?

– Тогда переждать!

– На дороге? Дождаться, пока подтянутся еще любители пострелять из арбалетов? Святой Геул, Хизер, у тебя вообще нет представлений о реальной жизни!

– Даже не смей... Это я родилась в самой проклятой семье Ревердаса, а не ты! Мне с детских лет внушали мысль, что нужно уметь убивать, что мои братья мне враги! Я была объектом ненависти отца и разочарованием матери! Даже Иландар ненавидит меня за то, что я жива! Как только приходит ночь, являются те, кто вполне может состязаться с людьми в кровожадности. А теперь какие-то вырожденные решили, что им все дозволено. Чего именно я не знаю об этой гребаной жизни?

– Иландар мертв, он уже точно никого не ненавидит. Геул свидетель, я пытаюсь уберечь тебя от всего перечисленного, но ты ведь сама лезешь в костер. Что я еще могу сделать?

Хаара не нашлась с ответом. И правда, что сделал бы Карлайл, узнав, что призрак короля преследует сестру уже многие годы?

– Поехали.

Хаара подняла меч и взглянула на привязанных к дереву девчушек. Нельзя же оставить их здесь. Бесчеловечно. Они молча жалась друг к другу, на изможденных лицах отражался ужас. Хаара миновала обезглавленный труп, от которого несло дерьмом. Смерть отвратительна во всех смыслах. Человек слишком жалок перед ней. Принцесса достала нож и начала перерезать веревки.

– Уходите отсюда. Возвращайтесь домой.

Одна из девочек всхлипнула.

– Мы нет дома, – ответила она на ломанном даарском. Хаара присмотрелась. В лицах обеих было что-то восточное. Иноземки? Или кто-то из малочисленных коренных племен?

– Где вы жили раньше? Как попали в плен?

– Отец отдать за долг. Мы теперь не возвращаться к он.

– Тогда найдите себе место получше. Возьмите припасы, которые здесь остались, и оружие. По тракту не передвигайтесь.

Девочки кивнули, будто действительно поняли совет. Хаара сочувствовала им, но сделать большего не могла. Освободившись от веревок, девочки поднялись и бросились к костру. Хаара бросила на них последний взгляд и направилась к лошади, где уже дожидался Карлайл. Появка вымокла, с запястья снова капала кровь. Хаара стиснула зубы. Не так отвратительно быть убитым, как раненым. Она подняла свой меч и сравнила с тем, что отобрала у трупа. Ее

собственный был легче, так что девушка сделала очевидный выбор. Поставив ногу в стремя, она стиснула зубы, чтобы не пискнуть, и запрыгнула в седло. Ночь выдалась лунной, так что силуэт дороги отчетливо проступал из мрака.

– Вряд ли выживут, – заметил Карлайл, наблюдавший за тем, как девочки роются в вещах убитых. – А если и выживут, то их ждет участь шлюх, не более.

– Это не наша проблема.

– Да. Несомненно, ответ потенциального правителя.

Хаара открыла рот, чтобы вступить в новую перепалку, как вдруг ночную тишину пронзал пронзительный птичий возглас. Девушка вздрогнула, а подняв глаза к небу, различила пронесшийся четырехкрылый силуэт. Она прищурилась, подумав: «Наверняка мерещится», – моргнула, но видение не исчезло. Огромная птица с завитыми рогами и острым клювом кружила над местностью, издавая звук, способный достигнуть слуха разложившихся мертвецов. Пронзительный и громкий, он вызывал ужас. Расправив четыре крыла, птица пронеслась над головами всадников, и Хизер заметила три светящихся во тьме глаза без зрачков, переливающихся бирюзово-перламутровым цветом. Казалось, эти глаза могли смотреть сквозь время.

– Это то, о чем я думаю?

– Эрия, – подтвердил Карлайл.

– Мне казалось, они никогда не спускаются с Лъёс. В истории говорилось, что в последний раз эрий видели во времена Великой Кровавой войны. Тогда их и прозвали вестниками бедствий. Это ведь дурной знак, да?

– Не знаю. Может, просто суеверие. Поехали.

Карлайл пустил лошадь рысью. Хаара не стала спорить. Место, где только что умерли трое и куда прилетело существо, не виданное людьми уже пару столетий, вызывало лишь одно желание – убраться отсюда поскорее.

Глава 3

Бегство

Женщина опустила руки в родник. Холод оплел их сковывающими нитями. Пальцы сразу же заоченели. По взмокшей спине пробежал озноб, заставив содрогнуться. Мелкие серые мошки кружились над головой среди зарослей высокой травы, временами садились на вспотевшее лицо или темные вьющиеся волосы. Женщина не спешила отгонять их, а лишь устало сидела на траве, ополаскивая шею и слезящиеся на солнце глаза. Впереди, под холмом виднелось поселение. Убогие домишки хаотично торчали из земли. Большинство из них ограждали деревянные заборчики, где-то ровные, где-то кривые и полуразрушенные. За пределами поселения стелились зеленеющие луга, на которых с самого рассвета лениво паслась скотина.

Полуденную тишину нарушил плач. Мисора сморщилась и оглянулась. Они все еще лежали там, в нескольких метрах от нее – два новорожденных белокожих близнеца, завернутые в темные тряпки. Оба, как назло, мальчики. Мисора не любила мужчин, считала их лживыми и подлыми людьми, которые ни во что не ставят противоположный пол. Безобидны, пока не научатся ходить, а с возрастом все превращаются в тиранов. Забывают, кто подарил им жизнь и каких мучений это стоило. Доверять им нельзя, впрочем... разве кому-то вообще можно?

Заплакал один, за ним второй. Как же сложно унять детей, когда у самой нервы на пределе. Чего они, спрашивается, режут? Это ей нужно давиться слезами! Ее заставили участвовать в проклятом эксперименте, держали в клетке беременной и поили желчно-горькой гадостью. Это она осталась одна, вынуждена бежать, осознавая весь ужас собственного положения, надеяться на то, что удастся запутать следы, что *он* не пойдет следом. Однако он шел... Мисора чувствовала это.

Она – его живое творение, результат безумных фантазий. А на что сетовать неразумным детям? Не они стаптывают ноги в кровь и думают о том, как пережить очередные сутки. Женщина отвернулась, решительно сказав себе, что больше не выдержит этого. Зачем вообще так рисковать? Зачем она утащила их с собой? Материнский инстинкт? Все чаще Мисоре казалось, что он притупляется под натиском страха.

В траве послышался шорох. Внезапно детский плач стал громче. Мисора вновь повернула голову и в ужасе вскочила. Змея. Черная гадюка заползла на хрупкое тельце одного из мальчиков. Женщина замешкалась. Ребенок корчился и плакал. Гадюка выгнулась, приготовившись к нападению, и прежде чем Мисора успела что-либо предпринять, вонзила клыки в розоватую бархатную кожу. Женщина подхватила камень, лежащий подле ее ног, замахнулась и бросила. Тот угодил прямо в цель, попутно задев несчастного ребенка. Змея выгнулась и зашипела. Не медля, Мисора схватила на руки уцелевшего близнеца и бросилась вниз по склону, пока ползущая тварь не решила напасть снова.

Второго уже не спасти. Ну и Шаах с ним. Пусть не достанется никому. Женщина бежала так быстро, словно ее преследовала сама смерть. Ноги то и дело запутывались в траве, запинались о камни, а подол юбки рвался о колючие кусты.

«Только бы не упасть. Нельзя падать».

На глаза женщины навернулись слезы. Хотелось громко разрыдаться, но она хватала ртом воздух и бежала без оглядки. Младенец на руках безудержно вопил. Ступни соскальзывали, и приходилось все время притормаживать. Вряд ли гадюка бросилась вдогонку. Нет, Мисора бежала не от нее. Она бежала от того, кто шел следом...

* * *

Пытаясь отдышаться, женщина брела по полю, все ближе подходя к деревне. Такой мирной казалась эта местность. Благоухающее, сияющее на солнце разнотравье, пасущиеся в отдалении стада. Наверняка люди здесь живут в уюте, детишки играют, взрослые занимаются ремеслом. Несомненно, в этом краю не бывало войн.

Ребенок не прекращал плакать, будто скорбно взывал к погибшему брату. Правда ли, что близнецы чувствуют боль друг друга? Мисора этого не знала. У нее не было ни братьев, ни сестер, она не помнила лиц своих родителей и никогда не испытывала настоящей привязанности к кому-либо. Она шла все медленнее, чувствуя, как силы истощаются. Скоро ли и ее настигнет смерть? Невозможно бежать бесконечно. Он уже нашел ее, выследил. Что же теперь?

Впереди виднелись очертания каменного колодца. Вероятно, им пользуются местные пастухи. Мысль, внезапно пришедшая в голову, слегка воодушевила женщину. Вот и решение. Ребенок все плакал и плакал. Мисора не пыталась успокоить его, но крепко прижимала к груди, не как любящая мать, а как вор, укравший драгоценность. Дойдя до колодца, она оглянулась по сторонам. Поблизости никого. Женщина отстранила от себя малыша и посмотрела на его опухшее розовое личико. Пульс участился. Мисору охватила паника, словно что-то страшное наступало на пятки. Она обернулась, но не увидела даже теней. Впрочем, иллюзия отсутствия обманчива. Мисора больше доверяла обонянию.

– Он совсем близко... – прошептала женщина плачущему чаду. – Мне так жаль... нам не получится уйти вдвоем. Я думала, что мы скрылись, но ошиблась... И если ты останешься со мной, мы наверняка погибнем. Один ты не выживешь, но я... – Сердце женщины болезненно сжалось. Она приблизилась к колодцу и занесла ребенка над его черной бездной. Малыш заревел громче, предчувствуя неминуемую гибель.

– Прекрати плакать. Я же сказала, что мне жаль... видит Трехликий, я хотя бы пыталась, – процедила она, желая убедить себя в правильности принятого решения, – но лучше я убью тебя сама, чем позволю попасть к нему. Пусть подавится. – Пальцы грубо впились в детское тельце, а затем разжались. С воплем ребенок полетел вниз, в холод и пустоту, навстречу смерти, а Мисора, всхлипнув, развернулась и побежала прочь.

Она чувствовала облегчение. Глубоко зарытая совесть взывала к разуму и чувствам, но Мисора заткнула ее, сосредоточившись на единственной цели: бежать. Она не хотела слышать последний крик сына и помнить, что совершила непростительное преступление. Ее колени подкосились. Женщина почувствовала, что падает, и выставила перед собой руки. Мохнатые белые лапы бесшумно опустились на траву. Послышался хруст костей, но через несколько мгновений на поле воцарилась привычная безмятежная тишина. Белая лисица вильнула пушистым хвостом и побежала на юг, дальше от колодца, холма с родником и своего преследователя.

* * *

Грубые сапоги подмяли под себя тянущуюся к небу осоку. Миновав заросли терна и одернув черный плащ, цепляющийся за шипы, мужчина вышел к бьющему из-под земли роднику. Его взгляд упал на маленький сверток и застывшее тельце в нем. Кожа ребенка побледнела, выражение немого отчаяния застыло на лице. Шею еще обвивала черная гадюка, издали напоминающая рабский ошейник. Заприметив мужчину, она как будто вздрогнула и поспешила сползти на землю, замерла там на мгновение, а затем юркнула в заросли и бесшумно скрылась. Незвестный подошел ближе, наклонился и взял ребенка на руки. Младенец был легким, он будто спал и видел дурной сон.

Мужчина прижал его к груди и, подняв голову, взглянул на долину, туда, где раскинулось небольшое поселение. Скорее всего, Мисора побежала к нему и унесла второго. Маг в этом не сомневался. В воздухе все еще витала ее энергетика. Он снова взглянул на ребенка, по глупости брошенного этой пугливой стервой. Словно почувствовав присутствие отца, младенец открыл хищные, ярко-желтые глаза.

* * *

*– Знаю цену бою я, как ведут войну,
Отдаю почтение хлебу и вину,
Счета нету подвигам, жизнь моя длинна,
Только вот история не совсем моя.
Расскажу про чудисиц я, как прогнать беду,
Стоит приключиться ей, я туда приду.
Мог бы и сразиться я в доблестном строю,
Впрочем, лучшие сами вы, а я вам спою.
Роль у барда важная – точно изложить,
Как броня на латнике приказала жить,
Как проткнули голову Глену-силачу,
Приукрашу, может быть, если захочу.
Знаю, как чудовище храбро победить,
Как девицу милую следом получить,
Как потратить золото, раздобыть коня,
Только вот история не совсем моя.*

*Нет, не осуждайте вы, дайте рассказать,
Где уместно жару дать, а где наблюдать.
Счету нету бедствиям, что я пережил,
Впрочем, если честным быть, я их заслужил.
Участь барда сложная – помнить до конца,
Как срубили голову вражьего бойца,
Как святое воинство, гнав во весь опор,
Магу между плеч крутых вогнала топор.
Знаю, без сомнения, много я дорог,
Покорил бы я весь мир, если б только мог.
Счету нету знаниям, жизнь моя длинна,
Только вот история не совсем моя.*

– Ну чего ты, бездельник, голосишь? – Услышав возмущенный голос матери, высокий веснушчатый паренек спрыгнул со стога сена, оставив на нем старенькую лютню и примятое место.

– Утомился, матушка, всего на мгновение присел!

– Ах ты, мелкий лжец... – Женщина в сером поношенном платье, держащая в руках темный платок, неодобрительно покачала головой.

Как не вовремя она появилась на пороге дома, а ведь Анвилю так не хотелось ничего делать! Славно было лежать на стоге сена и петь, наблюдая за движением изредка возникающих облаков! Он мог заниматься этим часами, увиливая от домашних дел и всегда находя оправдание после. Такой талант точно оценили бы в городе, возникни у юноши шанс туда бежать! Впрочем, пока это оставалось маленькой мечтой. Чего же сегодня ему так не повезло? Неужели мать уже закончила с делами?

Анвиль лучезарно улыбнулся, зная, что обычно это действует на людей. Как можно сердиться на юношу, поцелованного самим солнцем? Сколько света и беззаботной радости излучало его лицо! Анвиль надеялся, что мать простит ему все и удалится в дом, но та лишь снисходительно взглянула на сына.

– Вода закончилась. Пойди к колодцу, набери.

– Прямо сейчас?

– Сейчас, сейчас, лентяй... А ну бегом за ведром, и чтоб я духу твоего здесь не видела! Я все отцу расскажу, помяни мое слово...

Юноша потянулся и, дабы не гневить мать, схватив у стены дома пустующее ведро, покинул маленький дворик. Он беззаботно шагал по улице, продолжая насвистывать под нос песню. Минувя один из соседних домов, Анвиль заприметил светлолицую девушку с длинной косой, что развешивала влажное белье на веревке, натянутой между деревьев, и подмигнул ей. Девушка улыбнулась в ответ и смущенно потупила взгляд. Анвиль пошел дальше, мысленно отметив аппетитные формы соседской дочери. Ему нравилось заигрывать с красавицами, и он с удовольствием проводил бы дни напролет в их обществе, будь у него такая возможность. Однако матери девушек пристально следили за ним и не желали, чтобы Анвиль сновал вокруг их домов. «Не хватало, чтоб девок попортил», – прямо говорили некоторые особо строгие женщины.

«Не доверяют мне, – с горечью думал юноша, минуя улицу, – а ведь я хорош собой! И голос у меня недурной, и семья приличная. Прямо завидный жених! Вот еще в люди выбьюсь и посмотрим!»

Вскоре он вышел к полям. Яркое солнце нещадно припекало голову. Юноша шурился от слепящего света и неторопливо брел по траве, любуясь природой и пасущимся вдалеке скотом. Мирно было здесь. Мирно и хорошо.

«Вот только кто догадался расположить колодец так далеко?»

Юноша вздохнул, зная, что еще один стоял на другом конце деревни, но идти туда означало пересечься с отцом, чего Анвилю не хотелось.

«Однажды найду себе красавицу и убегу с ней отсюда, – грезил он о будущем. – Какой прок от деревни, где нет места разгуляться, где никто не узнает моего имени? В большой город поеду, поэтом сделаюсь, музыкантом! И будет вокруг меня куча прекрасных девиц! А если и ко двору попаду...»

С такими думами он дошел до места назначения и поставил ведро на землю. Приблизившись к колодцу, Анвиль заглянул в его глубины, но ничего не увидел. «Что ж... придется напрячься».

Веревка была размотана. Вероятно, колодезное ведро плескалось на дне. Юноша взялся крутить ворот и тут же поразился тому, как туго шло ведро, будто вместо воды зачерпнуло камней.

– Что за ерунда?

Анвиль поднажал. Веревка постепенно наматывалась на ворот, и вскоре ведро очутилось в поле зрения. Анвиль обомлел и едва не отпустил рычаг. Если бы он это сделал, ведро бы вновь упало на дно, потеряв свою тяжелую ношу, но в последний момент юноша удержал его. Анвиль с ужасом смотрел на то, что вытащил на поверхность. Младенец. Настоящий людской младенец.

Едва замешательство схлынуло, парень ухватился за ведро и вытащил его наружу. Он взял на руки крохотное тельце в вымокших пеленках. На правой щеке ребенка красовались большой синяк и порез. Дотронувшись до кожицы, юноша ощутил холод. Глаза ребенка были закрыты. «Мертв», – в страхе подумал Анвиль, опуская тельце на траву.

«Кто же совершил подобное зверство? Почему? Неужели среди нас есть мать, убившая свое детище?»

Анвиль распеленал дитя, склонился над его маленькой грудью и прислушался. Сердце билось тихо, едва слышно.

– Живой! – воскликнул юноша то ли от ужаса, то ли от радости.

Он стянул с себя сухой кафтан, завернул в него ребенка и, забыв про ведро, с которым пришел, ринулся обратно в деревню. Что делать с этим найденным? Куда его нести? Где искать мать, что едва не совершила убийство? Вопросы роились в голове. Анвиль решил вернуться домой. Уж матушка точно придумает, что делать.

Забежав во двор и быстро миновав его, юноша с грохотом отворил входную дверь. Женщина вздрогнула, едва не выронив ложку, которой мешала жаркое.

– Да что же ты шумишь, проклятый... – но тут ее ругательства прервались, когда взгляд упал на маленькое бледное существо в руках запыхавшегося сына.

– Я достал его из колодца, еще жив...

Изумленно охнув, женщина схватилась за грудь.

– Как из колодца? О чем ты говоришь, мальчишка? Где ты...

– В колодце, я говорю. Кто-то пытался избавиться от дитяти.

– Святой Геул... Давай его сюда! Бедный, наверное, замерз. – Женщина пододвинула стул к печи и быстро подстелила туда ткань. Анвиль аккуратно положил ребенка и отступил на шаг. Женщина обеспокоенно склонилась над ним.

– Да как же так вышло, кто же мог?..

– Что мы будем с ним делать?

– Беги к видящему, расскажи ему обо всем. Пусть явится и решит его судьбу, потому что мы не вправе.

Анвиль содрогнулся при упоминании жреца. Он несколько раз пересекался с этим человеком, живущим за пределами деревни, у самого подножия холма, и в душе юноши остался неприятный осадок. Побаивался Анвиль тех, кто обладал силами выше человеческих. Впрочем, перечить матери он не стал, только кивнул и с хмурым видом покинул дом, оставив ее наедине с умирающим младенцем.

Глава 4

Идущий следом

Жрец явился, когда сонное светило уже готовилось отправиться в объятия вечного мрака, предоставив луне ее срок царствования над Ревердасом. Все это время Анвиль и его мать не сводили глаз с младенца, пытались привести его в чувства и страшились, как бы смерть не забрала малыша раньше, чем он покинет их обитель. Женщина не уставала причитать, а с возвращением мужа и вовсе не находила себе места, поведала ему все как есть и пожаловалась на несправедливость жизни. Уставший после долгого рабочего дня мужчина ненадолго склонился над ребенком, рассмотрел его, словно пытался обнаружить что-нибудь необычное, задержал взгляд на едва заметном красноватом пятне на шее, затем уселся в дальнем углу комнаты и с хмурым видом подозвал к себе сына.

– Значит... ты вытащил его из колодца?

– Верно, отец, – кивнул Анвиль, украдкой бросив взгляд на бледного младенца. – Сам оторопел, непонятно, что за грешница свершила сие злодеяние.

– Отыскать надобно, – мужчина пригладил щетину, – суду предать. Вы поутру пойдите, разнесите старшим женщинам, к знахарке загляните, ей должно быть ведомо, кто роженица. Кому, если не ей...

Внезапно в дверь постучали. Мать охнула и поторопилась открыть, от волнения забыв поинтересоваться, быть может, кто чужой пожаловал. В дом ворвался порыв ветра, принеся с собою горсть песка, а с ним вошел и невысокий старик в серых льняных одеждах. Он опирался на трость, и руки его дрожали, точно рябь на воде. Лицо осунувшееся, худощавое. Правый глаз как будто плохо видел и оставался слегка прикрыт. Вся семья приветственно склонилась.

– Уважаемый Агмасс, – заговорила мать, – не погубите за то, что мы вас потревожили. Коли бы не горе, не эта загадка, над коей голову ломаем... Мой сын сегодня, к удаче или нет, вытащил из колодца младенца, живехонького еще... да в дом принес. Кто мать, мы не знаем, да и можно ли звать матерью ту, что от дитяти родного избавиться хотела. Его судьбу мы решать не можем, права такого нет, поэтому просим вас оказать милость...

Старик прошел к неподвижно лежащему ребенку, остановился рядом и долго смотрел. В комнате воцарилась тишина. Анвилю даже показалось, что видящий уснул стоя, как вдруг трясущиеся скрюченные пальцы опустились малютке на лоб. Жрец начал что-то нашептывать. Юноша прислушался, но слов разобрать не мог. Он посмотрел на мать, затем на отца, но на их лицах читалось такое же непонимание.

Никто не смел обронить и словечка, пока видящий не отшатнулся. Он едва не потерял равновесие, но вовремя ухватился за палку.

– Это не человеческое дитя, – произнес он негромко. – Те, что его породили, должны быть преданы худшей из частей. Оно не зверь и не маг. Я не могу заглянуть настолько глубоко,

чтобы понять природу этого создания, но лучше ему умереть. Женщина, родившая его, уже далеко отсюда, она спасается бегством и не просто так. – Жрец выдержал паузу, пробежавшись серьезным взглядом по лицам. – Надо избавиться от ребенка... Я чувствую в нем недоброе, хотя грядущее бедствие куда страшнее, и одной смертью нам от него не откупиться. Мир изменился. Пока мы этого не чувствуем, но скоро все осознают: благие времена прошли.

«Благие времена? – с сомнением подумал Анвиль. – Этот человек и правда думает, что мы жили в прекрасную эпоху?»

– Как же так? Дитя не выглядит опасным, оно еще неразумно и не может быть повинно в чем-то, – возразила женщина. – Не можем же мы и правда его убить.

– Если это необходимо, сделаем, – вмешался глава семьи. Женщина схватилась за грудь.

– О, Геул, только не в нашем доме... Я не хочу быть к этому причастна.

Внезапно входная дверь с грохотом распахнулась. Все находившиеся в доме вздрогнули. На улице разыгрывалась непогода. Темная фигура в длинном плаще вырисовывалась за порогом. В следующее мгновение тяжелый мужской сапог опустился на скрипнувшую половицу. Неизвестный пригнулся, чтобы не удариться головой о притолоку: его габариты внушали трепет. Он был уже не молод, но еще и не стар. В лучшие годы наверняка красив, хотя теперь отпечаток невзгод глубоко врезался в черты: щеки слегка запали, под глазами залегли тени, во взгляде читались усталость и равнодушие. Темные вьющиеся волосы, достигающие плеч, засалились и топорщились в разные стороны, придавая мужчине пугающий вид.

– Ты кто такой? – Хозяин дома выступил вперед, загородив собою жену.

Анвиль уставился на незнакомца в оцепенении. Он не знал наверняка, но чувствовал: перед ним не человек.

– У вас есть то, что принадлежит мне. Я пришел это забрать.

– Смеешь являться в чужой дом и заявлять, будто чем-то здесь обладаешь? – прокаркал видящий. – Я вижу тебя насквозь. Знаю, кто ты и что тебя ждет. Лучше тебе убраться в ту дыру, из которой ты вылез, ибо ты не обретешь то, чего жаждешь, не найдешь ничего, кроме бедствий и смерти.

– Правда? А что насчет тебя? Свою судьбу ты тоже знаешь?

Едва видящий успел открыть рот, как незнакомец выхватил из-под плаща кинжал и вонзил ему в глотку. Старик захрипел. Женщина вскрикнула, и муж оттолкнул ее подальше.

– Вот почему я склонен не доверять жрецам. Вы – жалкая пародия на тех, кем никогда не сможете стать.

– Бегите! Быстро! Анвиль!

Юноша схватил мать за руку, но стоило им сделать пару шагов, как ноги резко потяжелели и будто вросли в пол. Оба сделали рывок и упали, не сумев сдвинуться с места. Хозяин схватил топор, стоящий у печи, и бросился на мага, но тот увернулся и, подгадав момент, вонзил клинок в грудь мужчины чуть ниже сердца. Женщина издала протяжный, полный ужаса вопль.

– Отец! – Анвиль попытался подняться, но невидимая сила прижимала его к полу.

– Лучше вам заткнуться, или перережу глотки.

Выдернув клинок, маг позволил мужчине упасть неподалеку от старика. Приблизившись к ребенку, он взял его за подбородок и внимательно осмотрел.

– Где женщина?

Мать и сын продолжали завывать от страха и горя, не в силах оторваться от злополучного пола. Маг бросил на них полный презрения взгляд. Неужели до сих пор не поняли, что должны соблюдать установленные им правила? Подойдя ближе, он приставил окровавленное лезвие к глазу Анвиля:

– Спрашиваю еще раз: где женщина?

– К-какая ж-женщина?

– Мать ребенка.

– Н-не ведаю, к-клянусь...

– Ответ неверный, – мужчина замахнулся и одним ударом отсек Анвилю большой палец. – Напряги память, что-то в ней должно всплыть.

Юноша зашелся в крике. Мать присоединилась к нему, захлебываясь слезами и соплями, но не имея возможности вытереть их из-за сильно потяжелевших рук.

– Мы ничего не знаем! Он нашел дитя в колодце, это правда! Клянусь именем Геула! Не убивайте! Не трогайте нас! О боже...

– Боже, боже... Давайте откровенно, часто ли вам помогает ваш бог? Вот вы сидите и ноете на пороге смерти, а он и не шевелится. Для него вы просто мясо, оружие, защищающее его тщеславие.

Анвиль смотрел на рану, из которой хлестала кровь. Мать, казалось, вот-вот лишится чувств. Маг поднялся на ноги.

– Значит, сбежала. Благодество изменяет всем, если речь идет о спасении жизни, не так ли?

– Забирайте дитя и уходите, – всхлипнула мать, – оставьте нас.

– Чтобы завтра вы всем растрепали о моем визите?

Мужчина сделал глубокий вдох и посмотрел на две трясущиеся фигуры. Сколько раз он видел подобную картину и как от нее устал!

* * *

– Шэйла! Шэйла, где ты? Ко мне!

Русоволосая девчушка лет семи от роду носилась по двору, потеряв из виду собаку. Перед тем как приступить к делам по дому, она вышла ее покормить и заигралась. Теперь животное куда-то запропастилось и не хотело отзываться.

– Шэйла! – вопила она. – Сейчас же ко мне, или больше не выпущу! – Обида закралась в детский голос.

Собака не появлялась, и девчонка не знала: рассказать об этом матери или поискать за пределами двора. Вообще-то, взрослые велели не выходить, но ведь она не пойдет далеко. Шэйла должна быть где-то поблизости. Девчонка видела ее вот только что. Она застыла в нерешительности, поглядывая то на дом, то на калитку, как вдруг собачий хвост показался в пределах двора – из дырки в дальней части забора.

– Шэйла! Я тебя обыскала, быстро сюда!

Обрадовавшись, что собака нашлась, девочка поскакала ей навстречу, но стоило Шэйле появиться полностью – застыла. В зубах собака тащила странную находку, и пока юная хозяйка пыталась сообразить, что это такое, задорно виляла хвостом. Нечто было не таких уж маленьких размеров. Собаке приходилось напрячься.

– Шэйла? Что?..

Девчонка так и не договорила. Собака положила у ее ног человеческую руку с грубо развороченной, местами потемневшей плотью и выпирающей костью. Судя по всему, она принадлежала мужчине: покрытая густыми черными волосами, с грубыми мозолистыми пальцами. От нее исходил смрад. Рука точно была настоящая. Но Шэйла бы такого никогда не сделала... Где она ее взяла? Девчонка пошатнулась и завизжала, а затем бросилась к дому.

– Мама! Мама! Мама!

На крики выбежала обеспокоенная женщина, и дочь тут же вцепилась в ее платье.

– Что такое?

– Смотри! Смотри, что Шэйла принесла!

Увидев оторванную конечность, женщина прижала к себе дочь.

– Господи... Иди в дом, быстро.

* * *

Собравшиеся мужчины во главе со старостой обошли окрестности деревни, и то, что они обнаружили, повергло всех в шок. Первое потрясение их ждало на пороге дома пахаря: два остывших заколотых тела, одно из которых принадлежало хозяину, другое – жрецу, уже начали разлагаться. У хозяина отсутствовала рука. Комната пропиталась зловонием. На полу в нескольких местах чернели кровавые следы, но погрома как такового не было. Признаков жизни тоже не наблюдалось: жены и сына след простыл. Куда они запропастились, никто не знал. Разобраться в случившемся оказалось непросто.

– Кажется, мы ночью⁹ шум слышали, – сказал мужик, живущий по соседству. – Мы аккуратно¹⁰ закончили, снаружи гроза разыгралась, выходить уж не стали. Мало ли, от чего шумели, скольца¹¹ живу, смертоубийства ни в жизнь не видал.

– Будем искать, – скомандовал староста.

Подключили охотничьих собак, и те быстро вывели мужчин на окраину, где в овраге, за полем распластались два мертвых тела: в них быстро опознали Анвиля с матерью. С обоих сняли рубахи, и, более того: на груди несчастных зияли резаные раны, какие мог оставить нож или кинжал.

– Геул милосердный... – мужчины приложили указательный и средний пальцы к губам, затем ко лбу. – Это что ж такое?

Староста выглядел растерянным.

– Думаете, это дело рук человека?

– Ой, не знаю, не знаю... Как бы не так.

Мужчины завернули трупы в ткань, чтобы не пугать любопытный люд.

– Ну, вздынули!¹²

Перетащив тела в деревню, все собрались держать совет.

– Давеча видал я пахаря, аккурат, когда солнце в полдуба¹³ было. С пажити¹⁴ возвращался, а он – с полей, даже махнул мне. Странностей я не приметил.

– Так баешь¹⁵, быв¹⁶ он знал, что Геулу душу отдаст, – отозвался староста. – Из хаты ничего не вынесли, видать, обнести не хотели. Странно, что там видящий оказался, он пределы взгорка-то¹⁷ редко покидал. Потай¹⁸, случилось чего, или видение ему было? И что мать с сыном кто-то уволок – чудно. Нечисто дело. Мы, когда тела нашли, глядь – а потрохов-то нет.

По толпе пронесся испуганный шепот.

– Да обрушит Геул кару на головы тех, кто сие содеял!

– Чаю¹⁹, маг тут похозяйничал, – предположил староста.

– Разве еще не всех извели?

⁹ Ночесь – (диал.) – прошлой ночью.

¹⁰ Вечерять – (диал.) – ужинать.

¹¹ Скольца – (диал.) – сколько.

¹² Вздынуть – (диал.) – поднять.

¹³ Солнце в полдуба – (диал.) – перед закатом.

¹⁴ Пажити – (диал.) – пастбище.

¹⁵ Баять – (диал.) – говорить.

¹⁶ Быв – (диал.) – будто.

¹⁷ Взгорок – (диал.) – возвышение, холм.

¹⁸ Потай – (диал.) – наверное.

¹⁹ Чаять – (диал.) – чувствовать.

– Куда глядят Светоносцы, коли такое чудовище расхаживает среди нас? Нынче одна семья, а досветье²⁰ целая деревня?

– В здешних краях Светоносцев давно не видывали.

– Это потому, что тихо было. Надо бы позвать их, пусть явятся да выяснят, что к чему.

– Это что ж... покойников не схоронить теперь?

– Лучше позже схоронить, абы два раза землю не рыть. Светоносцы на слово не поверят, увидеть захотят. В город надобно писать. Староста, бумагу смастери, ты человек грамотный.

Остальные поддержали предложение. Староста кивнул.

– Так и поступим. Приспеть бы, покуда еще кто не пострадал.

²⁰ Досветье – (диал.) – до восхода солнца.

Глава 5

Пристанище эал

Улицы Архорда кишели людьми. Торговцы уже с утра пооткрывали лавки, ремесленники и крестьяне суетливо спешили по делам. Стражники ходили по улицам, делая вид, что бдят за всеми, хотя на самом деле наблюдали вполглаза. В такой духоте они охотнее думали о том, как бы пропустить кружечку прохладного эя, чем о безопасности жителей. Приезжие обходили кабаки и таверны в поисках ночлега, разгуливали по рынкам, пестрящим товарами, да разглядывали памятники. В воздухе витали запахи сырости, пота, свежей рыбы и подгоревшего мяса – все смешивались в столичный вихрь вони, для кого-то привычной, а для кого-то невыносимой.

Повсюду стоял гомон. Люди перекрикивали друг друга, привлекая внимание к себе, своему товару, или кому-то, чьи действия противоречили местным законам. Беседы большинства горожан не отличались содержательностью и остроумием. Живя в своем ограниченном мирке, люди редко задумывались о чем-то серьезном и, тем более, великом. Хохот, кривые оскалы, грубый кашель.

«Отвратительное место», – размышляла Хаара, теснясь к краю улицы и ведя лошадь под уздцы.

Они с Карлайлом обошли уже несколько трактиров, но нигде не нашлось свободного местечка даже за приличную плату. Хаара начинала уставать. Шум столицы действовал на нервы. Она отвыкла от этой суеты.

Раскрасневшееся в духоте лицо скрывал капюшон плаща, снять который девушка не решалась. Хоть ее и считали умершей, а осторожность не повредит. Раньше принцесса и не догадывалась, что улицы Архорда могут вызвать тоску и неприязнь, ведь некогда она так любила этот шум – бессмысленные разговоры местных жителей, их не менее глупые лица, усмешки, сальные шуточки, а временами совершенно непристойное поведение – вспыхивающие драки, ругань, задранные выше колен юбки местных шлюх... Но это было давно. В другой жизни.

После нескольких часов скитаний по площадям и переулкам путники наконец обнаружили еще одно невысокое каменное строение. Оно было всего в два этажа, с ветхой крышей медного цвета, старыми щербатыми ступенями, которые за век своего существования видели кровь, рвоту и до ужаса редко бывали мыты. Над ними болталась небольшая перекошенная деревяшка, один край которой еще удерживала ржавая цепочка. Криво нацарапанная надпись гласила: «Пристанище эал²¹».

– Судя по названию, место не самое гостеприимное, – заметил Карлайл.

²¹ Эал – существо со слоновьим хвостом, кабаньими челюстями и длинными подвижными рогами.

Хаара смерила взглядом вывеску, крышу и окна с закрытыми темными ставнями. Трактир вызвал неприятные ассоциации. Когда-то давно она бывала здесь со старшим братом. В те далекие годы, они, будучи детьми, захотели приключений и сбежали из замка. Какова же была ярость отца, когда он узнал об их легкомыслии! Наверное, в тот момент он и не думал избавиться от части своих детей, да и сожалел ли он об этом после? В любом случае беглецов быстро нашли, и никто из «дурных людей», как тогда выразилась королева, не успел воспользоваться их уязвимым положением.

– Какая разница? Лишь бы была кровать, – отозвалась Хаара, сглотнув вязкую слюну. Ныла перевязанная рука, еще несколько дней назад побывавшая в пасти садала. Тело девушки взмокло, и пот, попавший в рану, жег кислотой.

Путники постучались, но в первые минуты никто не открыл. Девушка вздохнула, подумав, что в очередной раз для них не найдется свободных мест, но вскоре послышались приближающиеся грузные шаги. Щелкнул замок, затем дверь приоткрылась. Противно заскрипели ржавые петли. На пороге возникло лицо, которое с легкостью можно было принять за мужское, если не присматриваться. Впрочем, обстоятельно изучив обладателя квадратного подбородка, выпирающей потрескавшейся губы, над которой виднелись редкие темные усики, горбатого носа и выпученных серых глаз, Хаара перевела взгляд чуть ниже, туда, где под платьем виднелась обвисшая грудь с торчащими сосками, и сообразила, что перед ней все-таки женщина. От нее несло перегаром, но Хаара даже не поморщилась. Не хотела выказывать неуважение хозяйке, ведь искать ночлег становилось сложнее с каждым часом.

– Нам нужно две кровати, стойло для лошадей и ужин.

Женщина хрюкнула, бегло осматривая сначала девушку, затем мужчину, стоявшего за ней.

– Десять инар²².

– Десять? – поразила Хаара. – Вы что же, предлагаете нам царские покои?

– Десять инар, и две койки на чердаке ваши. Если не можете заплатить... – Женщина собралась было закрыть дверь, но Хаара ухватила за ее край, давая понять, что диалог не окончен.

– Хорошо, мы заплатим.

Хозяйка язвительно усмехнулась. После того как она получила деньги, Карлайла и Хаару отвели в маленькую комнатку, что действительно располагалась на самом чердаке. Здесь стояли только две шаткие кровати и маленькая пыльная тумба. Хаара приоткрыла ее и сморщилась от вида паутины и гниющих остатков кем-то давно забытой еды. Окна, как и везде, закрывали ставни, отчего в комнатке царил полумрак. Небольшое отверстие в стене пропускало лучик света и шум, доносящийся с улицы.

– Напоите лошадей, – сказала Хаара тоном более властным, нежели просящим, когда женщина собиралась уходить. Та удалилась молча и, закрыв за ней дверь, девушка наконец скинула с головы капюшон. На лице сразу же проявились следы усталости и нестерпимой муки. В висках пульсировало, и Хаара, чувствуя, что в комнате нечем дышать, тщетно попыталась отворить окно.

– Десять инар... нас безбожно грабят. Этот угол не стоит и четырех!

– Тогда почему ты согласилась на цену? – спросил Карлайл отрешенно, не имея цели вновь вступить в спор. Они и так долго не разговаривали. Мужчине казалось, что Хаара до сих пор не пришла в себя, хотя свой гнев он уже подавил.

– Это заведение настолько ужасно, что хозяйка знает: идущие сюда уже обошли иные трактиры и не нашли себе места. А раз этот притон – последний вариант, то и цену можно набить.

²² Инар – серебряная монета.

– Не думал, что тебе известно о подобных местах. Боюсь поинтересоваться откуда.

– Не думай, Карлайл. Я большую часть жизни провела в этом городе. – Девушка стянула с себя плащ, бросила его на узкую кровать и осторожно взглянула на рану.

– Болит? – с беспокойством поинтересовался мужчина.

– Пройдет.

– Давай заново перевяжу, эта тряпка уже не годится.

Хаара присела на край кровати и стала наблюдать за тем, как Карлайл возится с вещами в поисках нужного снадобья. Они не обсуждали то, что случилось в пути. Благо оставшиеся дни удалось пережить без приключений, а призрак Иландара по мере приближения к Архорду все реже возникал в поле зрения. Во всяком случае, наяву. Перевязку Карлайл делал осторожно, с отцовской трепетностью, стремясь не причинить девушке лишней боли. Хааре подумалось, что он жалеет ее, и от этого становилось тошно.

Разложив скудные пожитки, они проспали до вечера, а когда в городе начало темнеть, спустились, ожидая оплаченный ужин. Как оказалось, постояльцев в «Пристанище эал» было много. Основную массу составляли нищие, пьяницы, торговцы, которым не повезло устроиться получше. Столов не хватало, так что Карлайл с Хаарой забились в дальний угол, составив компанию высокому бородачу с родинкой у левого глаза. Его темные волосы были коротко острижены, взгляд спокоен, как будто бы равнодушен ко всему окружающему. Когда Карлайл с Хаарой присели напротив, не спрашивая позволения, мужчина не произнес ни слова. Он бросил безучастный взгляд сначала на Карлайла, затем на девушку в капюшоне. Хаара снова надела плащ и была вынуждена томиться в жаре трактира из собственных соображений безопасности.

Им принесли ужин в виде странного коричневого месива, пахнущего гарью. Хаара скривилась, ковыряя ложкой в тарелке и размазывая содержимое по краям. Мужчина с родинкой ел, не обращая ни на кого внимания. Карлайл, пусть и нехотя, но тоже заставил себя попробовать трактирную еду.

– Не так уж плохо, если быстро проглотить...

– Да? – Девушка поднесла ложку к губам, но, почувствовав, что запах вызывает рвотный позыв, бросила ее обратно в тарелку.

– Неместные? – внезапно поинтересовался незнакомец. К удивлению Хаары, он уже прикончил свою порцию и теперь потягивал сидр, по цвету мало отличающийся от ослиной мочи.

– Из Героу, с южной части гор, – отозвался Карлайл.

– Какими судьбами в столице? Небось, ради турнира приехали.

– Да, много слухов ходит. Говорят, сие достойное зрелище стоит увидеть хотя бы раз в жизни.

– Правду говорят. Если не видел достояния Архорда, то ты не видел жизни.

– А вы местный? – поинтересовалась девушка.

– Я здесь служу. В отпуске бывал, теперь вернулся. Долг зовет. Только сегодня приехал, вот и пришлось здесь заночевать. Гнилое местечко... – Он сделал еще глоток сидра и отставил полупустую кружку в сторону.

– И как вам на службе? – Хаара чуть ниже опустила голову, надеясь, что полумрак не позволит разглядеть ее лица.

– Жалование хорошее, всего хватает. За боями бесплатно наблюдаю, когда другие золотой монетой платят, при желании даже с бойцами разговариваю. Встречаются иногда интересные люди. Вы были бы удивлены, узнав, как много иной раз может наговорить человек, не исключая возможности умереть в ближайший час.

– Это с веларами, что ли?

– А с кем же еще? На арену только их и пускают, хотя бывали случаи, что некоторые местные лорды от скуки выставляли драться рабов, иногда из-за спора, иногда из-за денег. Богатых разве поймешь. Меня Рамерий звать, если вам угодно будет.

– Хаара, а мой дядя – Кирон.

Ложные имена давно утвердились в их жизни, однако наедине с девушкой мужчина предпочитал гордо носить данное ему отцом имя Карлайл, в отличие от принцессы, что навсегда пожелала забыть несчастливое имя Хизер.

– Завтра на арене как раз бой намечается, у меня там дежурство. Могу вас проводить в честь нашего доброго знакомства. Места, знаете ли, быстро разбирают. Много кто съезжается, чтобы полюбоваться на зрелище.

– И чем мы будем обязаны вам за услугу?

– Ничем. Считайте, что я проявляю дружелюбие. Не зря же вы проделали такой долгий путь и оказались со мной за одним столом. Хотелось бы теперь, чтобы увидели то, за чем явились, а затем рассказали всем в Героу, что бывает с теми, кто нарушает закон. – Рамерий улыбнулся, но девушке эта улыбка показалась холодной и ничего не выражающей.

Мужчина допил свой сидр. Хаара так и не прикоснулась к еде. Они распрощались с Рамерием, после чего вернулись в маленькую душную комнатушку.

– Интересное стечение обстоятельств, – заметил Карлайл, – нам лучше не заводить подобных знакомств. Дружелюбие... Удивлен, что это слово еще есть в чьем-то лексиконе.

– Мне он тоже показался сомнительным, но с другой стороны, что с нас взять? Не думаю, что он узнал меня. Вообще, не уверена, что этот тип служил при отце.

– Узнать могут и меня. Я долго командовал королевской стражей и уже несколько лет считаюсь предателем короны.

– Для Иландара. Вряд ли Лонгрэн будет беспокоиться о пропаже пешки, которую легко заменить на шахматной доске. В конце концов, он и сам предатель.

– Если только ему не станет известна причина моего исчезновения.

– Раньше времени не станет.

– Раньше времени? – удивился мужчина.

– Ему, как и Иландару, недолго занимать этот трон.

* * *

Арена представляла собой высокое овальное строение, со всех сторон окруженное колоннами с изображениями воинов, копий и мечей. На самом верху ее развевались знамена цвета красной охры с гербом в виде белого солнца, чьи заостренные лучи напоминали кинжалы. Внутри вели два входа, один из которых предназначался для зрителей и был сейчас открыт. Рамерий не обманул – очередь из желающих попасть внутрь тянулась длинной вереницей через всю улицу. Люди с утра толпились у позолоченных ворот, сверля взглядом стражу, толкая друг друга в надежде пройти быстрее и протягивая деньги. Ими владел азарт, как будто каждому выпадала возможность обогатиться. Казалось бы, чем мог так привлекать кровопролитный бой, чья-то смерть? Второй вход предназначался для стражников и веларов. Его охраняли с особой бдительностью, и находился он в противоположной стороне от главного, в маленькой надстройке у стены. Эту надстройку огораживал дополнительный забор, выставленный то ли из предосторожности, то ли для антуража.

Хаара осторожно двигалась за едва знакомым мужчиной, а Карлайл шел за ней, все время озираясь по сторонам в надежде не увидеть знакомых лиц. Они миновали шумную очередь, из которой люди вышвырнули особо наглого мальчика, пробирающегося вперед. Хаару всегда удивляло то, что дети тоже стремятся поглазеть на зверства. Они не знают, что такое боль и страх, относятся к смерти, как к развлечению. Краем глаза Хаара заметила недовольство на

лицах людей, что отчаянно хотели попасть на арену, но были вынуждены кому-то уступать место. Казалось, они сами готовы драться ради утоления жажды зрелищ. Девушка заплатила за вход шесть линар, и они выбрали себе места в третьем ряду. Безопасное расстояние, но и достаточно близкое, чтобы все рассмотреть. Хаара поправила капюшон, надеясь понадежнее скрыть лицо. Впрочем, никто не обращал на нее внимания. Люди пришли сюда, чтобы увидеть зрелище, и, ругаясь между собой, спешили занять места поближе, делали ставки.

Наступил тот сезон, когда ночи еще заставляли зябнуть, а днем солнце палило нещадно. Девушка проклинала раскаленный диск, заставляющий тело покрываться потом, а разум мутиться. С каждой минутой становилось все жарче и неудобней, а народ все прибывал. Вскоре крики и вопли бойцов наполнили арену.

– Наблюдай за творением предков, – негромко обратился к Хааре Карлайл.

Хаара вздохнула. Пульсация и зуд в левой руке еще мучили, причем, она забыла о ней, когда центр арены наконец ожил, и вышел *он*, тот, кто называл себя королем Ревердаса – Лонгрэн Ардэн Теул.

Хаару молниеносно охватили страх и ненависть. Она рефлекторно подалась вперед и ощутила, как Карлайл ухватил ее под локоть. Внутренности скрутило, к горлу подступил ком. Девушка прищурилась, всматриваясь в статную фигуру, облаченную в полированные доспехи и красный, вышитый серебром плащ. Узурпатор выглядел суровым и сильным, был в несколько раз больше ее покойного брата, так что имел все шансы на победу даже в честном бою. Прямые каштановые волосы, у висков заплетенные в косы, напоминали грубые веревки, короткая борода обрамляла широкий подбородок, а густые сдвинутые брови придавали серьезный и непоколебимый вид. В целом, недурен собой, даже величественен. Ему подходила избранная роль.

Хаара присмотрелась. Вместе с королем на арене показалась стража. Лонгрэн бросил пару приветственных фраз, затем последовал боевой клич. Народ приветственно закричал со своих мест, затопал ногами в ожидании схватки. Хаара почувствовала, как учащается пульс, а от криков закладывает уши. Ей тоже хотелось кричать, только от ненависти; ей хотелось вопить и распугивать своим криком всех, кто осмелился уважать этого подлеца. Она смотрела на него, на короля, и не испытывала ничего, кроме отвращения и злости.

– Настоящий воин, – подметил Карлайл. Хаара вздрогнула, вспомнив, что именно так подумала о брате в роковой час. Она всегда считала его воином. – Во всяком случае, производит впечатление умелого бойца.

– Он не воин, а пес, – процедила девушка сквозь зубы, благо никто не услышал ее из-за поднявшегося гула.

Хаара вновь погрузилась в атмосферу шумной арены. «Не сейчас», – сказала она себе, расслабив пальцы, до боли впившиеся в ладони. Принцесса с трудом отвела взгляд от фигуры Лонгрэна, после чего, как и все присутствующие, стала ожидать схватки, на которую раньше бы не отважилась взглянуть.

В детстве она всегда избегала арены, ненавидела приходить сюда с братьями и отцом, поскольку боялась крови и смерти. Иногда поход был неизбежен, но принцесса не разделяла радости зрителей и вечно хотела плакать, наблюдая за тем, как кто-то вынужден бороться за жизнь. Кружилась голова. Ее рвало. Сразу представлялось, что однажды она окажется в подобных условиях: тоже будет биться насмерть, и если окажется слабой, ей выпустят кишки. Ужасно было то, что приходилось оценивать и варианты смерти. Стоило роковому удару прийтись в сердце или шею – все заканчивалось быстро, но вот в живот... Хаара знала: от таких ран умирают долго. Мучительная и мерзкая смерть.

Теперь же она чувствовала, что должна увидеть все, должна понять и принять проклятье, что сопровождало ее семью на протяжении столетий. Иначе ад на земле не закончится, и разложение, вгоняющее Ревердас в состояние, где даже Геул окажется бессилем, достигнет апогея.

Где-то рядом был ключ к разгадке злого рока. Во всяком случае, Хааре так казалось.
Вскоре зрелище началось.

Глава 6

Точка невозврата

Хаара почти бесстрастно смотрела на первый и второй бои, происходящие между незнакомыми ей мужчинами. Она не испытывала к ним жалости. Преступники недостойны ее жалости. Отец всегда говорил, что велары обязаны пройти обряд очищения через кровь. Девушке было противно наблюдать за тем, как кого-то убивают, ей не хотелось думать о том, что когда-нибудь придется убить самой. Учителя предлагали действенный метод: обезличь противника, воспринимай его как предмет, а не человека, тогда убийство не покажется чем-то ужасным. Предметы имеют свойство ломаться. Их просто заменяют другими. На практике Хааре ни разу удалось представить, что перед ней не человек, но, сидя на трибуне, она слишком сконцентрировалась на ненависти к Лонгрону, поэтому происходящее внизу не казалось ей чем-то важным или впечатляющим. Арена в очередной раз взорвалась рукоплесканиями и воплями, близился заключительный бой.

Когда велары вышли на арену, в глаза бросилась разница в комплекции. Тот, кого назвали Эдд Цирюльник, был на голову выше и гораздо шире в плечах. Хаара осмотрела его противника – мужчину неопределимого возраста. Заросшее клокочавой бородой лицо с мученическим выражением казалось смутно знакомым. Его представили с особым пренебрежением: Ниан Евнух. Имя напомнило что-то из прошлой жизни. Девушка прищурилась, чтобы лучше рассмотреть его черты. Ниан... Она знала лишь одного человека с таким именем.

Юноша из благородного рода, любимец судьбы, не иначе. Поцелованный солнцем, статный, вызывающий у девушек нескромные мысли, он был лучшим другом Иландара. Конечно, только в том смысле, в каком разрешалось им быть. Из того типа людей, у которых все выходит если не с первого, то со второго раза точно. Они часто виделись во дворце, иногда вместе тренировались. Хаара помнила, как Ниан неоднократно становился противником Иландара, и брату приходилось напрягаться, чтобы сразу не очутиться на земле. Добродушный и отпускающий глупые шутки, Ниан часто разряжал гнетущую атмосферу. Луч света в царстве безнадеги. Будучи старше Хаары всего на несколько лет, сейчас он казался человеком другой эпохи. Если Иландар превратился в изуродованного призрака, то Ниан стал олицетворением последней крохи избитого благородства. Воскресив его образ в памяти, Хаара как будто вновь видела знакомого юношу, только постаревшим, грязным, озлобленным.

Его взгляд... Она отчетливо помнила, с каким добродушием Ниан смотрел на окружающих его людей. Даже Иландар никогда не смотрел так в ее сторону, да и как он мог, зная, с чем придется столкнуться наследникам? Однако сейчас во взгляде Ниана сквозило что-то чужеродное, несвойственное ему. Вспоглощающее желание терзать, душить, воскрешать, чтобы мучительно убить вновь.

Хаара невольно подалась вперед. Захотелось прикоснуться к нему, сорвать маску жестокости, ощутить радость оттого, что нашла нечто давно утраченное. Она испытала смутное чувство, будто снова видит брата... Пусть Хаара не общалась с ним так тесно, как Иландар, сейчас, поглощенная чувством внутреннего одиночества, она безумно хотела очутиться рядом с кем-то, кто был связан с ее семьей. На мгновение Хаара представила, как они встретятся. Может, даже обнимутся, расскажут друг другу о накопившемся, разделят общую боль.

Солнце пекло, раскаляя песок арены.

Прошли годы... Иландар сгнил, Ниан стал незнакомцем. Да и что можно сказать о ней самой? Узнал бы ее Ниан? Когда целая страна верит, что ты мертва, сама ощущаешь это, мнишь себя кем-то другим.

– Кто этот Ниан? – поинтересовалась она у сидящего рядом мужчины. Хаара не думала, что однажды придется увидеть его на Арене.

– Предатель. Их уж немного осталось. – Мужчина хохотнул. – Этот стойкий, уже несколько лет здесь держится.

– Предатель? Что же он сделал?

– Неместная, что ли? Поддерживал Иландара Слабого. Такой же богохульник и слабак. Первый год подобных ему привязывали к столбам на площади и заставляли молиться Геулу за всех мимо проходящих горожан. А потом отправили на Арену искупать собственные грехи. Король милосерден, дает шанс попасть в Аридон даже такому ничтожеству.

Хааре захотелось выхватить меч и снести идиоту голову. Он, предавший веру в истинного короля, поддержавший узурпатора, смеет рассуждать о милосердии и слабости! Неужели, видя это, Геул до сих пор не позволил ему подавиться рыбьей костью? Почувствовав на себе обеспокоенный взгляд Карлайла, девушка поджала губы. Тем временем схватка началась.

Ниан умел сражаться, и это действительно помогло ему протянуть здесь столько лет. Это вселяло надежду. У девушки даже мелькнула сумасбродная мысль помочь ему сбежать из заключения. Одновременно она понимала ее безнадежность, но позволила себе немного помечтать. По правилам турнира велары могли сами выбрать оружие. Ниан стоял с двуручным мечом, а Эдд – с двуручной булавой. Булава – хорошее оружие для атак на поле боя, где противникам трудно развернуться и где, как правило, тела воинов защищены доспехами. Здесь же, на Арене, где веларов ничего не защищало, булава казалась бесполезной против меча. Парировать ею удары непросто, а чтобы наносить, нужно сокращать дистанцию. Ниан же с двуручным мечом мог спокойно удерживать противника на расстоянии.

Осознавая свое преимущество, Ниан напал первым. Приняв боевую стойку, он нанес удар, целясь противнику в шею, но Эдд успел нагнуться, так что лезвие его не задело. Он тут же попытался сократить расстояние и нанести ответный удар, но Ниан отскочил и осыпал противника градом отточенных ударов. Несколько раз меч даже достигал цели, но порезы не были глубокими. Правильные движения ног играли большую роль, но песок заставлял стопы вязнуть, мешал действовать стремительно, из-за чего Ниану приходилось осторожничать. Хаара знала, что на ровной поверхности он двигался гораздо быстрее, здесь же, в искусственно созданной пустыне, приходилось следовать иным правилам. Эдд был достаточно проворным, Ниану никак не удавалось смертельно ранить его. Меньше всего Хааре вновь хотелось заводить разговор, но любопытство терзало.

– Почему Цирюльник?

Мужчина чудом расслышал ее вопрос в поднявшемся восторженном гвалте. Эдду снова удалось сократить дистанцию, но Ниан пнул его в грудь, после чего рубанул в область плеча. Эдду чудом удалось уклониться. От лезвия его отделяли миллиметры.

– До Арены он им был, но здесь род деятельности слегка извратился. Теперь Эдд снимает скальпы. Ты смотри, сама увидишь.

Хаара надеялась, что не увидит. Когда жестокость становится необходимостью – это одно, но стоит ей превратиться в неоправданное действие, как она вызывает тошноту. Порой даже у тех, кто не гнушается ею. Эдд замахнулся булавой и попытался нанести стремительный удар в голову. Ниан парировал его, отходя назад. Эдд сделал выпад, решив ударить Ниана в солнечное сплетение, но тот успел отскочить и ответить рубящим ударом. Эдд на удивление ловко парировал его. Ниан нанес еще несколько ударов сверху, после чего начал опускать меч для нижнего. Эдд тоже опустил булаву, намереваясь отбить его, но та выскользнула из рук. Ниан развернул меч и сделал подсечку. Эдд не успел уклониться, и меч оставил на его бедре достаточно внушительную рану. Мужчина пошатнулся.

Ниан наступал. Он снова ударил сверху. Эдд парировал, попятившись. Его пошатывало. Теперь он с трудом опирался на левую ногу. Будто сильнее разозлившись, Цирюльник сделал выпад, стремясь сбить Ниана с ног, но тот заблокировал удар. Не теряя времени, Эдд поднял булаву и попытался размозжить ею лицо противника. Ниан подался назад, поднял меч, но Эдд уже наносил удар сбоку. Булава обрушилась мужчине на руку. Зрители вопили все громче. Следующий удар Ниан парировал, но Хаара заметила, что держать меч ему стало труднее. Оба противника замедлились. Ниан перешел в наступление. Он нанес рубящий удар, но Эдд перехватил булаву горизонтально и заблокировал его. Ниан сделал переход и рубанул противника по животу. Эдд не успел отреагировать. На секунду он застыл. По Арене прокатились восторженные возгласы. Упадёт? Хаара сжала кулаки. Удар в живот – один из самых жутких. С большой вероятностью противник отдаст концы, но далеко не сразу. А пока он жив, расслабляться нельзя. Ниан сделал выпад, решив добить противника колющим ударом, но Эдд отреагировал неожиданно резко. Булавой он отвел меч противника в сторону, ухватил его за руку, одновременно притянув ближе и мешая воспользоваться оружием, а через секунду собрал остатки сил и ударил Ниана по голове. Вряд ли последний успел сообразить, что это последняя секунда его жизни. Эдд раскроил Ниану череп и пошатнулся. Словно мешок с соломой Ниан рухнул в песок, Эдд хотел поднять булаву не то в торжествующем жесте, не то для того, чтобы ударить еще раз, но не смог. Он ухватился за распоротый живот и опустился на колени. Жизнь утекала из него медленно, а добить Цирюльника было некому. Хаара понимала – это последний бой в его жизни. В нем никто не победил.

Ниан лежал неподвижно. Повезло. Его смерть не была мучительной. Милосердие ли это со стороны Геула? Внутри Хаары что-то оборвалось. Арена наполнилась ликующими криками. Зрители рукоплескали, а девушка медленно подняла остекленевший, скрывающий внутреннюю ярость, взгляд.

Узурпатор. Ублюдок... Его черты казались смутно знакомыми. Хаара пыталась восстановить ускользающее воспоминание, но не могла. Откуда она знает его? Кто этот человек? Он ведь не мог возникнуть из пустоты. Заговор... Его поддержал кто-то влиятельный. Хаара пробежалась взглядом по лицам и заметила одно на передней трибуне, там, где обычно сидели представители Совета. Правая рука ее отца – Холгер Логенрос. До сих пор жив и здоровствует. Хаара хорошо запомнила его – он стал главным свидетелем ее неудачи в битве с братом. Видел, как она летела с обрыва. Советник, служащий уже третьему королю. Поразительная живучесть. И тут Хаара вспомнила.

Ей едва исполнилось тринадцать, когда в честь дня рождения отец решил устроить пир и созвал всю знать Ревердаса. Увеселения во дворце проходили не так часто, поэтому Хизер радовалась возможности отдохнуть от тренировок и просто потанцевать. Она присматривалась к гостям: ей представляли лордов, их жен и сыновей, но девочка плохо запоминала имена. Ей нужно было уцепиться за какую-то деталь, необычную внешность или манеру поведения, чтобы выделить человека из толпы, но фигуры слишком быстро сменяли друг друга. Первым с Хизер танцевал Иландар. Он попросил об этом еще до того, как начался пир, да и Хизер было спокойнее танцевать с братом, чем с чередой незнакомцев. Все гости были старше

принцессы, попадались откровенно зрелые мужчины, чьи приторные улыбки вызывали у нее отвращение. И среди них был он. Молодой человек лет двадцати пяти, с каким-то угрожающим, будто точеным лицом. Его представили как племянника Холгера. Все мужчины, что танцевали с ней, пытались льстить, много болтали, иногда резко перескакивая с темы на тему, чтобы блеснуть широтой кругозора, но этот держался иначе. Его рука сжимала кисть принцессы слишком сильно, взгляд буравил несколько секунд, а потом опустел. Хизер показала: он не питает к ней интереса. Тогда зачем вообще пригласил? Из вежливости? Заставили? Она рассмотрела едва заметный шрам на подбородке: неудачное падение или кто-то намеренно оставил его?

– Боишься смерти? – внезапно спросил он. По спине Хизер пробежали мурашки. Вопрос не показался бы странным в других обстоятельствах: все знали, какое испытание придется пройти наследникам однажды, но сейчас... в разгар ее дня рождения! – Праздник не кажется тебе лицемерным? Каково это – чувствовать, что прожила еще один год и что следующий может для тебя не завершиться?

Хизер постаралась не выдать чувств.

– Король в расцвете сил. Если я и умру, точно не в ближайшем будущем. – Принцесса искренне верила в свои слова, не подозревая, что отца не станет уже через три года.

– Вершишь в себя? Женщины – слабый пол. Вы не умеете сражаться, тем более, править страной. Зачем вообще сохранять жизнь девочке? Чтобы она питалась ложными надеждами? У твоих родителей страсть к садизму. А у твоего брата? Странно, что он еще не придушил тебя во сне.

Хизер попыталась отстраниться, но Лонгрэн стиснул ее руку до боли. Тогда она бросила на него гневный взгляд.

– В чем дело? Сбегаешь? Боишься?

– Не будь на мне платья, я надрала бы тебе зад.

– Ты? – Он смотрел на нее сверху вниз, и Хизер чувствовала давление. Его тень как будто пожирала ее. – Поспорим, принцесса? Если проиграешь, я сделаю с тобой все, что захочу.

Хизерхватило ума не спорить. Она изобразила усмешку, пытаясь скрыть страх.

– Боюсь, мой отец не одобрит, и смерть в качестве возмездия не будет для тебя легкой. Вернемся к этому разговору, когда я стану королевой.

Она высвободилась и смешалась с толпой танцующих. С того дня она не видела Лонгрэна Теула и скоро забыла о нем, как о минутной неприятности. Во дворце было на что переключить внимание.

Девушка забыла его лицо, последние три года она представляла врага разным, в зависимости от настроения. А теперь их разделяли пышущая жаром арена, окровавленный труп Ниана, которого даже не похоронят по правилам, и неохотно расстающийся с жизнью Эдд Цирюльник. Годы изменили их всех. Хааре снова показалось, что тень Лонгрэна нависла над ней. Узурпатор излучал уверенность и силу. Хаара сомневалась, что может ему противостоять. Женщины не умеют сражаться... Чушь! Она умеет. Вопрос в том, насколько хорошо. Чтобы добраться до Лонгрэна, нужно пройти по головам, позволить песку поглотить страхи, выплюнуть свое имя, стоя подле возвышающегося позолоченного стула.

Бой закончился. Люди начали покидать арену. Им с Карлайлом с трудом удалось пробиться через толпу и выйти в менее людный переулочок. Духота. Воздух пропитан потом, кровью, людским отчаянием и жадной зрелищ. Девушка не сняла капюшона, хотя солнце измучило ее. Казалось, стоит выйти на свет – и все закричат: «Вот она, это Хизер Дефоу! Она выжила!» И тогда Лонгрэн поймает ее. Нет, ловушку должна организовать она. Но как? Подол плаща трепетал при ходьбе. Сердце стучало в бешеном ритме, доставляя почти реальную боль.

– Ты увидела все, что хотела? – Молчание принцессы, выражение ее лица и резкость движений тревожили Карлайла. В глубине души он надеялся, что теперь она захочет домой.

– Да.

– Ничего не скажешь?

– А что ты хочешь услышать? Что я ненавижу его? Это был Ниан, гребаная бездна... – Мужчина заметил, что в глазах девушки сверкнули слезы, однако она сдержала их.

– Мне жаль. Я не думал, что кого-то из приближенных Иландара оставили в живых. Хаара покачала головой.

– Ты ни при чем. Мы все равно не могли ему помочь.

– Верно. Но мне жаль, что ты это увидела.

– Не переживай. Это не первая смерть на моей памяти.

«Почему сейчас?» – Хаара задавалась этим вопросом всю дорогу. Ниан протянул на Арене так долго, но умер именно сегодня, когда она появилась в Архорде. Злая насмешка Геула? «Неужели я проклята?» Хаара спешила вернуться в «Пристанище эал», опрокинуть кружку прохладного эля и подумать, как быть. Она видела лицо Лонгрена – человека, занявшего ее дом и отнявшего титул у брата. Мерзкий, ни во что не ставящий ее род ублюдок. Окажись она королевой, он подло убил бы и ее. Злость разбавилась подкатывающим отчаянием. Бездонная пропасть отделяла ее от цели, Хааре не выиграть, просто прыгнув в нее. Однако отказаться от мести она не могла.

В «Пристанище эал» было почти тихо: большая часть народа схлынула в город. Хаара и Карлайл забились в дальний угол, и сегодня девушка рискнула запихнуть в себя местное варево. Желудок скручивало от голода, хотя аппетит пропал. Наблюдая за тем, с какой злостью Хаара разрывает и жует черствую лепешку, мужчина забеспокоился.

– О чем ты думаешь?

– Действительно хочешь знать? – Хаара выдержала паузу, но внимательный взгляд Карлайла не требовал ответа. – О мести.

Глотнув эля, Карлайл медленно отставил кружку.

– Хаара... забудь.

– О чем? О происхождении, доме, смерти родных и чудесных шестнадцати годах жизни? – съязвила девушка.

– Они не принесли тебе ничего, кроме страданий.

– Ты прав. Знаешь, что самое грустное? Я страдала зря.

«И продолжаю страдать», – мысленно заключила Хаара, вспоминая призрак брата и взгляд Ниана за секунду до его смерти.

– Это уже неважно.

– Действительно? Тогда почему ты меня спас?

Воцарилась недолгая пауза.

– Мне было жаль тебя.

– Только меня? А Ронана? А если бы умирал Иландар?

– Они были мужчинами и могли за себя постоять.

– Они были мальчишками. Ронан умер десятилетним.

Хизер скривилась, вспоминая, как брат бледнел и хрипел у нее на руках, а Иландар стоял рядом и смотрел на них пустыми глазами, не в силах добить Ронана или помочь ему.

– Я не мог спасти его. Тебе повезло, потому что ты упала с обрыва. Я знал, что у тебя есть шанс выжить, поэтому не мог остаться в стороне. Не случись этого, Иландар бы тебя зарубил. Я лишь воспользовался возможностью.

– Значит... воля Геула?

Девушка усмехнулась.

– Что ты хочешь услышать?

– Не знаю. Не думаешь, что предки разорвут меня на пороге Аридона, оставь я все как есть?

– Думаю, их больше не беспокоит участь Ревердаса.

– Наталкивает на мысль, что ты никогда не знал их по-настоящему.

Карлайл залпом осушил стакан, пытаясь снизить градус напряжения.

– Доедай, скоро поедем.

– Куда? В Героу?

– А что, у тебя есть замок где-то поблизости?

Хаара нахмурилась, не понимая, специально ли мужчина пытается ее уколоть.

– Вообще-то да, есть.

– Он больше не твой.

– Что, если я хочу его вернуть?

– Хочешь? Да ты не в себе. Посмотри мне в глаза, Хаара. Чего ты действительно хочешь?

И Хаара посмотрела. Она никогда не была искусной лгуньей, но в этот момент принцесса просто не знала ответа и потому могла выдать любой. Она дала простейший, тот, что слышала от брата:

– Справедливости. Я последняя представительница рода и все, что принадлежало ему десятилетиями по праву крови, принадлежит мне.

– Право крови уже ничего не решает. Что ты сделаешь? Заявишься к королю и скажешь, что восстала из мертвых? Готов поспорить, он с удовольствием пошлет тебя обратно.

– Есть и другой путь.

– Захватить власть силой? На это нужны люди и деньги, а у тебя нет ни того ни другого.

– Люди не понадобятся.

На лице мужчины застыл вопрос.

– Арена – вот выход. Закон гласит, что победивший в турнире велар может бросить вызов королю...

– Ты вообще себя слышишь?

Карлайл недоуменно качнул головой, и девушка поджала губы. Вариант действительно отвратительный. Озвучивая его, она не верила сама себе.

– Скажи, все происходящее для тебя какая-то шутка?

– Я разве смеюсь?

– Ты несешь откровенный бред. Никто и никогда не побеждал короля на Арене. Предки не были идиотами, Хаара, это невозможно. В твоем случае будет чудом пережить даже пару боев. Ты же только что видела этих людей: там сидят убийцы, большинство из них сильнее и хитрее тебя. Неужели и правда поверила в то, что можешь убить хотя бы одного из них? Думаешь, ты способна отнять чужую жизнь?

– Способна.

– Да ну? Проверим? Я укажу пальцем на любого человека, а ты вызовешь его на поединок.

– Это бессмысленно. Хочешь, чтобы меня схватила стража? – Хаара поднялась с места, чувствуя, что разговор идет не туда. Что, если Карлайл и правда решит устроить драку? Девушка выплюнула ему в лицо смелый ответ лишь потому, что боялась показаться жалкой, однако она отлично знала, что не выигрывает, тем более с больной рукой.

– А как ты планируешь попасть на арену?

– Какая разница? Я же не собираюсь туда сейчас.

– Тогда к чему весь этот разговор? Если знаешь, что бессильна, зачем тратишь воздух на пустой треп?

Хаара не ответила. Карлайл редко грубил ей, однако сейчас слова резали по живому. Действительно, что она хочет услышать? Мужчина еще не сошел с ума, чтобы поддержать такую глупость.

* * *

Они покинули столицу после обеда. Солнце плавно катилось к западу, полуденный зной миновал. Никто не произнес ни слова. Девушка хмурилась, окутавшись вуалью задумчивости. Арена – единственный шанс что-то изменить, но Карлайл прав – на ней не победить. Неравные условия не оставляют велару шансов. Человеку не дано справиться, а магов на арену не пускают. Безвыходность... неужели придется смириться?

Но что, если... человек приобретет силу, изначально ему не принадлежащую? Что, если она победит не самым честным путем? Хаара не знала, возможно ли такое даже в теории, но закрававшаяся мысль подарила смутную надежду. Пусть девушке всю жизнь внушали мысль, что маги опасны и только ждут возможности уничтожить человеческий род, короли не пренебрегали их силой. Придворные лекари, шпионы, Белое око, служащее на Арене, – все они были магами, пусть с ограниченной силой, но все же. Хизер знала о существовании неприродной магии: ритуалов, требующих особой подготовки, знаний и жертв. Возможно, кто-то из магов обучит ее подобному, она сможет использовать силу незаметно, только тогда, когда это действительно потребуется. Наверняка остались маги, владеющие бесценными знаниями. Если бы только найти одного из них...

Карлайл изредка поглядывал в ее сторону, изучая знакомый профиль, частично прикрытый выбившейся прядью светлых волос. Хаара все сильнее напоминала покойную королеву в ее лучшие годы. «Ах, если бы все было иначе...» – думал он меланхолично. Но иначе быть не могло. Терзаемый размышлениями о том, как бы они жили при других королях и устоях, Карлайл впадал в угнетенное состояние. Он начинал сожалеть о том, чего никогда не происходило, и винить судьбу за то, что она не распорядилась иначе. Чтобы отвлечься, он начал насвистывать мелодию, знакомую каждому барду Ревердаса.

Хаара тоже ее узнала, но не решилась подпеть. Ей было совсем не до песен. Вскоре мужчина прекратил, достал флягу с водой и сделал несколько глотков. Вечерело. Воздух насытился свежестью, запах трав и полевых цветов приятно щекотал ноздри.

– Ты молчалива, Хаара. Думаешь о мести или об обиде, что затаила на меня?

– Какая разница, о чем я думаю? – отозвалась девушка сухо, выказывая нежелание продолжать разговор. Он привел бы их к тупику или новой ссоре, потому Карлайл благоразумно оставил вопрос без ответа.

Вскоре совсем стемнело. Путникам пришлось остановиться на ночлег в небольшой низине. Они привязали лошадей к сухим веткам близрастущего дерева, собрали хворост, разожгли костер, перекусили ломтями вяленого мяса, которые захватили с собой из города, и стали готовиться ко сну.

– Будем дежурить по очереди, – предложил мужчина.

– Хорошо. Разбуди меня через несколько часов. – Девушка постелила на траву сукно, накинула капюшон, чтобы не пачкать волосы, повернулась к мужчине спиной и улеглась. Карлайл прищурился, с недоверием проследив за ее движениями, но, убедившись, что девушка действительно собралась спать, перевел взгляд на костер. Языки пламени с жадностью пожирали мрак, до которого им удавалось дотянуться.

Закрыв глаза, Хаара прислушалась к тишине, нарушаемой лишь тихим потрескиванием веток в огне. Она вытянула раненую руку в надежде, что новое положение поубавит боль. Пройдет еще не один день, прежде чем рана затянется и перестанет быть постоянным напоминанием о ее неосторожности.

«Я такая жалкая, – думала Хаара, медленно погружаясь в туман подсознания, где надеялась отыскать дверь в другую жизнь, в несбыточный сон и стать его героем. – Я бездействую. Только воображаю... мечтаю, чтобы все обернулось так, как я себе нарисовала. Вот голова

Лонгрена на пике... вот всеобщий почет, родная постель... Неужели я хочу вернуться? Я действительно хочу домой? Хочу во дворец, снова играть в аристократов? Хочу, чтобы за мной ходили слуги, чтобы мне шили платья и читали по вечерам? Неужели я хочу сидеть на том же троне, где сидел отец? Где сидел Иландар? – Она зажмурилась, не зная, как ответить на эти вопросы. – Неужели я смогу выносить эти стены без них? Хватит ли мне духу переступить порог опустевшего дома, взглянуть на лица чужих людей, которым я никогда не смогу доверять? Чего же мне хочется? Мести или власти? Может, всего сразу? Если бы только Иландар был жив... если бы он спасся, мне бы не пришлось... Я ведь, наверное, и правда, не подхожу на эту роль. Если бы другая я сумела... сделала все за меня, было бы хорошо. Но другой меня не существует, есть лишь образ в моей голове... образ, о котором я мечтаю, но которому не соответствую. Не может слабая запуганная девчонка внезапно стать сильной. Карлайл прав во всем. Меня тошнит от крови. Вряд ли я способна кого-то убить. Короли не плачут. Отец говорил, что эмоции нужно скрывать. Слезы – проявление слабости».

Терзаясь тяжелыми мыслями, Хаара не скоро уснула, но как только мрак обступил ее, она снова увидела брата. Во снах Иландар всегда выглядел более живым. Принцессе снилось, что они сидят на ступенях дворца, неестественного пустого и холодного.

– Просто вернешься? Заглянув в глаза моему убийце, ты решила сбежать?

В голосе, как всегда, осуждение.

– Я ничего не решила.

– Ах да... трех лет было недостаточно, понимаю. Чтобы собраться с мыслями, нужно гораздо больше.

– Что я могу, Иландар? У меня ни денег, ни силы, ни харизмы, ни поддержки. Как я отомщу за тебя? Как верну трон?

– Это твоя проблема, разве нет? Думать о таких вещах – задача выжившего наследника.

Мертвенный холод обступал ее, и Хаара съежилась. Казалось, будто она сидит в сырой могиле.

– А если я откажусь?

– Откажешься? Кто ты без нашей фамилии, без титула? Жалкая крестьянка, примешь предложение вдовца в расцвете сил? Родишь пятерых, может, даже не умрешь от кровопотери.

– Заткнись.

– Никогда не думала, что моя смерть на твоей совести? Геул не любит, когда нарушают установленные порядки.

– Это он тебе сказал?

В равнодушных глазах брата сверкнул бледный огонек агрессии.

– Этого ты не узнаешь. Аридона тебе не видать, жалкие слабаки туда не попадают.

Карлайл потряс девушку за плечи. Дворец растворился вместе с Иландаром. Несколько секунд Хаара не понимала, где она и почему так затекло тело. Ночное пробуждение всегда тягостно, оно влечет за собой чувство несправедливости. Девушка озябла, нехотя перевернулась на спину и медленно поднялась, разлепляя сонные глаза. Из сумрака небес на нее смотрели девятьсот девяносто девять глаз древнего бога. Неужели он и правда отверг ее? Из-за трусости она попадет в бездну Шааха? Что хуже: сгинуть там, или оказаться в руках разгневанных предков? Хаара устало зевнула и потеряла лицо. Вялое состояние. Костер все еще горел. Судя по всему, Карлайл подкладывал в него хворост.

– Я посплю немного, и поедем с восходом солнца. – Мужчина прилег на траву неподалеку. Хаара кивнула, давая понять, что услышала, плотнее закуталась в плащ и подтянула колени к груди. Она села ближе к костру, чтобы согреться и сбросить полудрему. Ночной воздух приятно освежал. Сон отступал, и чем бодрее чувствовала себя Хаара, тем невыносимее ей становилось. Дурные мысли, осадок от сна, страхи, рвущиеся наружу, – все смешалось. Нужно что-то решать: вернуться в деревню с Карлайлом, позволив истории твориться самой, или...

В голову девушки закралась странная мысль. Враг моего врага – мой друг. Что, если попросить помощи у мага, схитрить? Шаахова сила в умелых руках – хорошее оружие. Сомнительно и рискованно. Она никогда не видела их за пределами дворца, а те, что служили королю, были сильно ограничены в возможностях. Что на самом деле представляют собой маги? Какова их реальная мощь? Светоносцы истребили большинство, найти кого-то даже в западной части государства будет непросто. Хаара знала, что план ненадежный, но Геул ждет... Что случится, если она не выполнит его волю? В таком случае Карлайла придется оставить. Мужчина не согласится поехать с ней, а узнав о затее, начнет всячески препятствовать. Если нужно, свяжет и запрет навеки в четырех стенах, но тогда Хаара точно сойдет с ума.

«Он слишком печется обо мне. Я не смогу сделать то, что посчитаю нужным, не смогу стать сильнее, если рядом будет Карлайл. Он не позволит мне осуществить замысел... никогда не позволит».

Хаара украдкой взглянула на мужчину, мирно посапывающего в стороне. Ее терзали сомнения. Неожиданно возникло чувство вины и ощущение, будто она готовится совершить злодеяние: предать родного человека. По коже пробежал холодок. «Словно выбираю между живым и мертвым. Как бы мне не хотелось этого». И все-таки выбор был сделан.

Она поднялась, стараясь двигаться бесшумно, с мучительным чувством еще раз посмотрела на спящего мужчину. Именно благодаря ему Хаара до сих пор жива, но могла ли она сполна оценить эту жертву? Так порой случается: ради членов благородных семей люди сами восходят на алтарь. Будет ли Карлайл разочарован, осознав, что его несоизмеримому труду не придали значения? Проклянет ли тот день, когда спас принцессу от смерти и был вынужден навсегда покинуть замок?

«Прости, Карлайл, – с тоской подумала девушка. – Знаю, ты хотел бы уберечь меня, но здесь наши пути расходятся. Я не могу больше позволить защищать меня и пока не могу дать ничего взамен за услуги. Надеюсь, когда-нибудь мы встретимся».

Прислушавшись к размеренному дыханию и убедившись, что мужчина спит довольно крепко, Хаара направилась к лошадям. Она осторожно отвязала своего жеребца. Тот только фыркнул, но послушно сдвинулся с места, когда хозяйка взяла его под уздцы. «Главное – не шуметь. Безопасно ли оставлять здесь Карлайла одного? Все ли будет с ним в порядке этой ночью?»

Хаара обратила взгляд к горизонту. До рассвета оставалось не так уж много времени. Скребущая в груди тревога побуждала остаться, но девушка воспротивилась ей. Отойдя от временного пристанища на достаточное расстояние, она оседлала Нору и пустила его рысцой. Как только начало светать, конь мчался уже галопом. Нужно было убраться как можно дальше. Карлайл, приди ему в голову безумная мысль, не должен их догнать.

* * *

Мужчина проснулся через два часа после восхода солнца, зевнул, с трудом разлепив глаза. Голова побаливала от недосыпа, и Карлайл задался вопросом, почему его до сих пор не разбудили. Им следовало бы уже продолжить путь. Заметив, что Хаара не сидит у прогоревшего костра, он тут же подскочил и осмотрелся, а не обнаружив ни девушки, ни лошади, страшно побледнел лицом.

– Хаара! Проклятье... идиотка! – выругался Карлайл и с досадой сплюнул.

Поступок девушки не укладывался в голове. Сумасбродная девчонка! Он и помыслить не мог, что у нее хватит смелости на побег, ведь Хаара еще ни разу в жизни не оказывалась одна, тем более, не путешествовала. Она не знала ничего об этом мире, о людях, о правилах. Все только из книг, из уст няnek и слуг. Но теория сильно расходится с действительностью. Не дай Геул принцессе узнать это в ближайшие часы. Куда она помчалась? Что собирается делать?

Почему вдруг стала действовать опрометчиво, а не доверилась ему? Неужели Хаара действительно так жаждет мести? Как вышло, что Карлайл проглядел это? Недооценил ее способность совершать глупости.

Ругая себя за неосмотрительность, он поспешно собрал скудные пожитки, торопливо отвязал от дерева серого жеребца по кличке Шад и осмотрелся в поисках следов беглянки. Кое-где виднелась примятая копытами трава. Он прошел чуть вперед, вычисляя направление, по которому ушла девушка, затем вскочил на коня и ударил поводьями.

«Святой Геул... лишь дай возможность мне ее вернуть».

Глава 7

Или ты, или тебя

Ворота неспешно поднимались, давая возможность повозкам проехать во внутренний двор замка. Высокая крепостная стена отбрасывала длинную тень, укрывающую головы измученных жарой пленников, в чьих легких уже спрессовалась пыль и чьи языки прилипли к небу от жажды. Двое всадников ехали впереди, еще двое сзади. Между ними катилась небольшая вереница деревянных клеток. Они были неаккуратно, но крепко сколочены, устланы соломой, что временами сыпалась сквозь отверстия меж досками. Всего четыре штуки, крошечные, что не встать, не развернуться. В каждой по три человека. В основном молодые женщины, которых забрали из семей за неуплату долгов или взяли в плен по какой-то иной причине, но встречались и крепкие мужчины, чья вина была никому не известна. Спрашивать о чужом несчастье, когда свое затянуло петлю на шее, пленники не считали нужным. Они ехали в молчании и только оказавшись во внутреннем дворе, стали перешептываться и осматриваться. С какой целью их привезли в замок короля, догадаться нетрудно. Во всяком случае, мужчин.

Как и товарищи по несчастью, Мисора прильнула к решетке, чтобы рассмотреть новое место. Зажатая в угол клетки уже пять дней, она грезилась о побеге, но шанса так и не представилось. Ноги затекли, от пота зудело все тело. Разило от клеток так, что слезились глаза. Пленников не выпускали даже в туалет, приходилось мучиться и ходить под себя, на ходу целясь в щели между досок, чтобы не сидеть потом в собственных испражнениях. К тому же донимали назойливые мошки, садящиеся на лицо так часто, будто то было намазано медом. Мисора устала их давить. Злой рок. Стоило избавиться от одной неприятности, как настигла другая.

«Неужели это месть за то, что я бросила ребенка? Что я могла сделать?»

Мисора сжимала губы от досады. Она не считала, что совершила нечто непростительное. Многие люди убивают других без видимых на то причин, а у нее причина имелась. Почему же именно ее настигла расплата? Когда все это началось? Когда дни растянулись в нескончаемую полосу из боли, страха и сожалений? В тот миг, когда Трехликий²³ бог отвернулся от нее? Или когда она отвернулась от него? В попытке скрыться от преследования Мисора проделала долгий путь. Она надеялась, что ей удалось запутать следы, скрыть собственный запах в реках, которые она переходила вброд. Найдя маленькую деревушку чуть ли не на окраине страны, женщина вымолила себе приют, обещая работать, но спокойствие продлилось недолго. Явились люди с мечами и стали требовать с хозяина долг. Мисора не знала, что подвигло этого несчастного брать деньги взаймы, но быстро поняла – вернуть он их не может. И тогда он назвал ее дочерью. Мисора хотела сбежать, попытаться драться, но мужчин было больше. Выдавать себя женщина не хотела: люди отличались беспощадностью ко всем, даже к собственной расе,

²³ Трехликий – иноверческий бог, которому поклоняются отдельные племена, официально не признанный в Ревердасе.

что уж говорить о магах и других отродьях Шааха? И вот, ее забрали в уплату чужого долга. Мисора в очередной раз осознала: к тебе добры лишь тогда, когда хотят использовать.

Две полненькие, перемазанные грязью девушки, сидевшие рядом, обменялись парой фраз, но Мисора не расслышала их. Клетки вскоре остановились, всадники спешили и поприветствовали стражу. «Раз, два, пять, девять...» – Женщина огибала взором пространство, приглядываясь к лицам незнакомых людей в гамбезонах. В столице их было непривычно много. С аккуратными бородами или вовсе бритые, мерзейшие слуги цивилизации, считающие, что им дано право миловать и карать. Мисора прислушалась, пытаясь разобрать речь работоторговцев. Что станет с ней теперь? Неужели пережитого оказалось недостаточно?

– Его величество соизволит оценить товар? Сегодня хорошая партия: все крепкие и здоровые, как жеребцы.

Мисора перевернулась на другой бок, зевнула, чуть запоздало прикрыв рот рукой. Капелька пота медленно стекала по ее виску. Мокрая, провонявшая одежда липла к телу, доставляя дискомфорт. Стражники что-то ответили, затем один из них отправился в замок. Женщина наблюдала за статной фигурой, бегло взбирающейся по каменной лестнице. Уверенные движения человека, находящегося на службе у короля. Мисора успела заметить, что местные стражники смотрят на людей свысока, она слышала, что они нередко злоупотребляют полномочиями, а говорят зачастую лишь на языке оружия. Сталкиваться с ними не хотелось, но что поделать? Когда ты в клетке, выбора нет. Вскоре незнакомец скрылся в стенах величественного строения. Мисора ждала решения своей участи. В последние дни жизнь женщины сделалась сплошным ожиданием неизвестного.

Желая скоротать время, она стала напевать старинную песню. Пройшла эпоха, когда эти строки знал и пел всякий, сейчас же она осталась в памяти единиц, и Мисора входила в число этих избранных. Она уставилась в одну точку и чуть-чуть покачивалась в такт, из-за чего наверняка напоминала полубезумную оборванку.

– На поле брани растерзано тело, тело воина в качестве дани, – пела она негромко, мотив был тяжел и угрюм. Каждый звук, вырывающийся из уст женщины, казался порождением боли и великой скорби. Вслушиваясь в протяжную мелодию, замерли и съежились ее соседки. – Дани богам с золотых берегов, что живут на земле, где нет войн и оков. Разорвали его, иссушили до дна. Он лежит во земле, что всегда холодна...

Мисора замолчала, когда скрывший в замке стражник вновь возник во дворе.

– Подготовьте рабов, они скоро предстанут перед королем!

– Вы слышали его, – отозвался тот, кто считал себя законным владельцем невольников – господин Аддиб. – Открыть клетки, поставить их на ноги! Пусть падают на колени перед королем!

Началось движение. Замки сняли, клетки открыли. Оттуда силком вытащили и девушек, и мужчин. Ступив на землю, Мисора почувствовала невероятную тяжесть. Занемевшие ноги тряслись и подкашивались, впрочем, стоять пришлось недолго. Рабов выстроили в линию и опустили на колени. Всюду сновала вооруженная стража. Женщина чувствовала косые, изучающие взгляды. Она всегда привлекала внимание мужчин, знала, как вызвать в них страсть, но мученическая жизнь испортит кого угодно. Сейчас на нее смотрели с презрением. Солнце припекало головы. Мисора не решалась поднять лица, чтобы разглядывать стражников. Последние славились беспощадностью и слепой покорностью королю, чей суровый нрав заставлял трепетать людей даже далеко за пределами столицы.

Вскоре явился и сам король. Все смолкли и замерли, стоило ему прошептать вдоль пленных. Мисора бросила на высокую фигуру беглый взгляд: любопытство взяло свое. Грубоватые черты лица, три особенно выраженные морщины на лбу, каштановые волосы до плеч. Походка короля была воинской, будто отточенной часами упорных тренировок. Смотреть на короля долго – опасно. Сейчас каждый из невольников казался хуже мусора под его ногами.

Ко всеобщему удивлению, Лонгрэн Теул спустился в компании своей жены – Наоми Редерс, дочери Ульриха – правителя Эндагона. Намного моложе Лонгрэна, на вид не больше семнадцати, невысокая, худенькая королева была полной противоположностью мужа. От природы бледная кожа придавала ей болезненный вид. Облачалась Наоми в нежные оттенки голубого, что подчеркивали цвет ее глаз и сочетались с золотистыми волосами. Никаких особенно красивых черт в ней не наблюдалось, совсем не та женщина, за которую сверры²⁴ и короли готовы драться насмерть: простое лицо, не запоминающееся с ходу, костлявая фигура, лишенная форм, обычно привлекающих мужской взгляд. Тем не менее она держалась прямо и горделиво приподнимала подбородок. Шагала в ногу с Лонгрэном, будто пыталась показать, что равна ему.

Теул неспешно прошелся вдоль ряда рабов, осматривая тех, кто содрогался перед ним. Мисора больше не поднимала взгляда. В глаза бросились грубые, не под стать королю сапоги, на которых, впрочем, не было ни единой пылинки, и подумала, что какой-нибудь бедняга вылизывает их языком. Наоми осталась чуть поодаль, не решившись приблизиться к пленным и с презрением поглядывая на них.

Внезапно Лонгрэн поднял на ноги двух светловолосых девиц, что ехали в одной клетке с Мисорой. Они боязливо вскрикнули, но тут же прикусили языки. Король скользил взглядом по их телам.

– Женщины пригодятся на кухне или еще где, – подал голос Аддиб, вставший рядом с королевой, – они умелые, всему научены. Стирать могут, шить, убираться, удовлетворять мужчин. Мы брали только лучших.

Лонгрэн усмехнулся и вывел двух рабынь вперед, затем отступил на шаг, вытащил из ножен на поясе два кинжала и протянул по одному каждой девушке. Те испуганно переглянулись, не решаясь принять оружие из рук короля, однако поняли, что именно этого от них и ждут, и аккуратно взяли за рукояти.

– Я хочу, чтобы вы сразились, – заявил Лонгрэн, отойдя на несколько шагов, чтобы освободить девушкам пространство, – насмерть.

Те снова обменялись испуганными взглядами. Аддиб нахмурился, он явно не ожидал такого поворота событий, но смолчал. Наоми отвела взгляд, но, с секунду поколебавшись, вновь обратила его к несчастным.

– В-ваше величество, – запинаясь, произнесла одна из девушек. Ее руки тряслись, и она едва держалась на ногах, – умоляем вас... пощадите.

Попытка оспорить приказ лишь разозлила Лонгрэна.

– Мы будем полезны вам, правда... Все, что хотите, мы...

– Я хочу, чтобы вы сражались, – твердо повторил король. Наоми нервно сглотнула. На лице ее отчетливо читались тревога и нежелание наблюдать за происходящим.

– Пожалуйста, – на глаза девушки навернулись слезы. – Я не хочу умирать... пожалуйста... позвольте стать полезной.

Лонгрэн сощурился, размышляя, затем кивнул и приблизился к светловолосой. Что-то в его движениях насторожило Мисору. Лисица затаила дыхание.

– Полезной? Хорошо...

– Б-благодарю вас, благодарю! – Девушка подняла просветлевшее лицо и выдавила из себя улыбку. Волна страха еще не схлынула и заставляла голос дрожать.

Лонгрэн осторожно взял девушку за руку, в коей та сжимала нож. Несчастливая с трепетом и благоговением смотрела на мужчину, чувствуя тепло, исходящее от его ладони. Уже в следующее мгновение Лонгрэн повернул ее кисть и подался вперед. Клинок по рукоять вошел в живот. Девушка беспомощно приоткрыла рот, машинально хватаясь за руку короля. С губ

²⁴ Сверры – аналог рыцарей в рамках вселенной книги.

сорвался отчаянный стон. Лонгрэн вынул кинжал, стряхнув с руки ослабевшие пальцы. Вторая рабыня вскрикнула от ужаса и пошатнулась. Несчастливая упала и скорчилась. Тянулись минуты, все ждали, что король прекратит это, но он просто наблюдал. Ранение в живот самое отвратительное из возможных. Ты обречен, но не умираешь сразу. Могут пройти часы, даже несколько дней. Если враг оказывался милосердным – он всегда добивал, но Лонгрэн хотел мучить. Он наслаждался болезненными стонами жертвы, врывающимися в тишину, где застыл парализованный человеческий страх. Вот что бывает, когда говоришь королю «нет», когда думаешь, будто достоин большего, и не берешь то, что предлагают.

– П-пожалуйста... – просипела девушка. Она силилась закончить мысль, но не могла, язык не слушался. Содрогаясь всем телом, она смотрела на короля слезящимися глазами. – П-помогите...

Лонгрэн остался глух к ее просьбе. Он поднял с колен следующую девицу и протянул ей окровавленный кинжал.

– Надеюсь, ты не хочешь быть полезной мне как-то еще.

Девушка отрицательно качнула головой и взяла в руки оружие. Ужас застыл на лице ее соперницы, что отказалась сражаться ранее. Она утерла слезы и вцепилась в рукоять обеими руками. Рассчитывать на милость короля было бессмысленно. Мисора старалась сделать вид, что происходящее ей безразлично, будто такая манера поведения могла уберечь от страшной участи. Она то и дело разглядывала тени и муравьев, что пробегали у колен, иногда взбирались на ноги и бесстрашно бегали по ним, словно по камню или бревну. Рано или поздно ее тоже поднимут, но еще есть время оценить потенциальных соперниц.

Несколько минут девушки бесцельно ходили по кругу, выставив клинки и выжидая. В конце концов та, которую подняли позднее, кинулась вперед, выставив перед собой кинжал. Она попыталась ударить им соперницу, но та чудом уклонилась. Несколько минут девушки пытались пырнуть друг друга острием, несколько раз даже оставили друг на друге порезы, однако больше уклонялись и топтались на месте. Они двигались неумело, были скованы собственным страхом. Страхом не просто умереть, но и отнять чужую жизнь. Мисора знала, что первый раз самый трудный. Если убьешь один раз, то во второй уже не станешь сомневаться. Сражающиеся же оттягивали неминуемое, будто ждали, что король все прекратит, однако тот лишь мрачнел.

– Вы не стараетесь, – бросил он, и Мисора расслышала в голосе угрожающие нотки. Она взглянула на девушек: от вида таких обреченных лиц сентиментальные дамы обычно плакали. Но Мисоре было не до этого. Лучше подумать, как сберечь собственную шкуру, чем соболезновать другим. Она даже обрадуется, если противники порешат друг друга.

Завязался бой не на жизнь, а на смерть. Одна из девушек стала агрессивнее размахивать кинжалом. Она наступала, издавая дикие вопли, как молокосос-новобранец в рядах армии, которого из-за его же тупости убьют первым. Ее противница пятилась, не пытаясь ответить, видимо, испугавшись внезапного наступления. Она отступала, пока не споткнулась о камень, и, выронив кинжал, растянулась на земле, вскинув руки, будто призывала смерть. Светловолосая тут же бросилась на нее и вонзила кинжал в грудь. Несчастливая дернулась. Светловолосая яростно вскрикнула и нанесла еще один удар, чтобы добить наверняка. Девушка под ней обмякла, а победительница осталась сидеть верхом, тяжело дыша и цепляясь за кинжал, как за спасительную ветку. Мисора разглядела на ее лице мелькнувшее облегчение, даже нечто, похожее на радость.

«Вот оно как? Стоит понять, что ты, а не тебя, и убийство приносит удовольствие».

– Пожалуйста... – все еще стонала раненная в живот, но все делали вид, будто ее больше не существует.

Светловолосая отстранилась от тела и с надеждой посмотрела на короля. Лонгрэн сделал несколько широких шагов и ухватил за плечи следующую девушку. Мисора не успела опом-

ниться, как уже стояла на ногах. После многих дней пути она чувствовала слабость, но страх перед возможной гибелью взбодрил. Мисора собрала остатки сил, она не должна проиграть. Король толкнул ее в сторону трупа.

– Подними кинжал и сражайся.

Светловолосая отчаянно всхлипнула отползая. Она испуганно посмотрела на Мисору, и та поняла, что девушка выдохлась. Покойница лежала в пыли, устремив в небо остекленевший взгляд. На лице застыла гримаса ужаса. Интересно, кто встретил ее после смерти? Геул или Шаах? Мисора наклонилась, забрала кинжал из мертвой руки и крепко стиснула рукоять. С ее уст вновь сорвалась едва слышная строчка:

– На поле брани растерзано тело, тело воина в качестве дани...

Светловолосая поднялась на ноги, сжимая окровавленный кинжал обеими руками. Она следила за Мисорой, ожидая, что та нападет, но женщина оставалась на месте. Важно дышать ровно и не давать страху брать верх над разумом. Страх не позволяет мыслить, а в сражении необходим холодный рассудок.

«Когда растешь в стране вечной войны, – размышляла Мисора, – начинаешь думать о том, как убить и быть убитым. Человеческая жизнь здесь ничего не стоит».

Она тоже наблюдала за движениями светловолосой, но чувствовала, как Лонгрэн сверлит их взглядом. Король начинал скучать, но думать следовало не об этом.

Светловолосая кинулась вперед, решив быстрее покончить с этим. Она действовала так же нелепо, как и до этого, выставила перед собой кинжал и пошла в лобовую атаку. Реакция Мисоры превосходила человеческую, так что, отведя в сторону руку противницы, она схватила ее за запястье, потянула на себя и воткнула кинжал ей под челюсть. Не так уж и сложно. Все произошло меньше чем за минуту. Светловолосая распахнула глаза, кинжал, не достигший цели, выпал из ее руки. Она захрипела и потянулась к глотке. Мисора вытащила оружие и бросила взгляд на короля. Лонгрэн следил пристально. Он ждал зрелища, хотел больше крови. То, что он устроил подобного рода представление, многое говорило о нем. Жесткость – вот чем он упивался.

Светловолосая опустилась на колени. На лице ее застыло непонимание. Наверное, разум не хочет принимать то, что вот-вот угаснет. Решив потешить Лонгрэна, Мисора обхватила умирающую девушку за голову и воткнула кинжал ей в глаз, затем отстранилась и пнула ее на землю. Больше светловолосая не встала. Мисора вопросительно взглянула на Лонгрэна. Что теперь? Он доволен ею или заставит драться снова? Ответ не заставил себя долго ждать. Король приказал следующей девушке подняться.

Соперница Мисоры опасно приближалась к телу, чтобы взять кинжал. Слишком уж близко он лежал к ногам лисицы, а та не собиралась отходить. Едва девушка сделала рывок и нагнулась, чтобы схватить оружие, Мисора подалась вперед и нанесла ей три удара в живот. Горячая кровь заструилась по рукам. Несчастная вскрикнула, скорчилась и упала на колени. Мисора перерезала ей глотку. Еще один труп, который сбросят в общую яму.

– Это нечестно, – подал голос Лонгрэн, – она не успела взять кинжал.

– Разве вы говорили о каких-то правилах боя, кроме того, что он насмерть? – Мисора сделала шаг в сторону и наступила на клинок, выпавший из рук побежденной. – Кто хочет, тот возьмет. Ваше величество...

– Ты имеешь воинский опыт?

– Нет, мой король.

– Я так не думаю. Ловкости тебе не занимать, да и бьешь ты не колеблясь. Либо делала это прежде, либо потрясающе равнодушна к чужим жизням.

На лице Мисоры мелькнула едва заметная улыбка. Лонгрэн поднял с колен следующую девушку. Еще трем противницам не повезло даже взять кинжал, а вот с последней завязался бой. Коротко стриженная женщина едва поднялась на ноги, встала в странную позу,

будто пыталась изобразить разъяренного зверя. Мисора насторожилась: во взгляде противницы застыли угроза и нечто граничащее с безумием. Она начала кружить, размахивая руками, и Мисоре пришлось поворачиваться, чтобы не упускать ту из вида. Стриженная продолжала нарезать круги, все быстрее и быстрее. Наконец она бросилась. Мисора замахнулась кинжалом, но противница перехватила ее руку. Хватка оказалась неожиданно сильной. Лисице пришлось отступить. Она почувствовала, как полубезумная пинает ее под колено. Ноги невольно подогнулись. Пока Мисора падала, женщина успела схватить лежащий кинжал. Мисора выставила свободную руку, коснулась ею земли, чтобы сохранить равновесие, одновременно развернулась и попыталась ударить противницу ногой. Та заблокировала удар руками.

Мисора выпрямилась и отступила. Стриженная бросилась на нее с кинжалом, Мисора парировала атаку. Они размахивали оружием, наступая друг на друга. Мисора чувствовала, что соперница не так уж проста. Она двигалась четко, наносила резкие, точные удары, и если бы не реакция лисицы, она могла давно оказаться среди трупов.

Короткостриженная сделала выпад, Мисора уклонилась от клинка, но тут же почувствовала, как кулак врежется в переносицу. В глазах на миг потемнело. Лисицу сбили с ног, и она выронила оружие. Противница саданула ее ногой в грудь и замахнулась для решающего удара. Мисора сгрэбла в горсть песок и швырнула нападавшей в глаза. От неожиданности противница зажмурилась и полоснула ножом воздух. Мисора перехватила ее руку и отвела в сторону, затем вцепилась женщине в глотку, сделала рывок и перекатилась вместе с ней. Они поменялись местами. Теперь короткостриженная попыталась вывернуться из хватки, но Мисора держала из последних сил. Она выпустила когти, буквально впившись противнице в плоть. Она могла бы вырвать кусок кожи, но медлила.

Стоит ли показывать, что она не человек? Мало ли как при дворе относятся к оборотням... Возможно, ее постигнет худшая участь, чем магов. Мисора не стала рисковать. Она отпустила горло и потянулась за кинжалом. Короткостриженная подалась вперед и боднула ее головой в уже звенящую переносицу. Мисора вскрикнула. В глазах потемнело, но она продолжала чутать противницу. Она все еще сжимала руку, в которой та держала кинжал. Пальцы нащупали тот, что лисица обронила. Короткостриженная попыталась помешать ей взять клинок, но Мисора сжала кулак и ударила ту в лицо, затем еще раз и еще, напрягая каждый мускул. В глазах немного прояснилось. Лициса схватила кинжал и занесла его над противницей.

– Стой, не надо, – взмолилась та, чувствуя, что ее шансы сокращаются, – не убивай! – Но Мисора уже опустила клинок. Он по рукоять вошел женщине в грудь.

Лисица ощутила, как тело под ней дернулось. Она выждала несколько секунд, не отпуская руку короткостриженной, будто боялась, что та припрятала какой-нибудь козырь и так просто не умрет, однако женщина обмякла. Мисора сделала глубокий вдох. Голову жутко ломило. Она почувствовала, что руки ее дрожат и слабеют. Отстранилась, поняв, что с короткостриженной покончено, и вновь взглянула на Лонгрела. В горле пересохло. Измученное тело тряслось от боли и усталости. Из-за голода и обезвоживания перед глазами поплыло, но несмотря на это, Мисора уловила во взгляде короля одобрение. Хотелось стоять до конца, но ноги подкашивались. Больше всего лисица боялась, что против нее поставят мужчин, однако Лонгрэн махнул стражникам.

– Уведите ее.

Конец? Мисоре хотелось в это верить, но, как известно, любой конец – это только начало.

Глава 8

Пленение

Позолоченный диск перекатился за полдень, когда Хаара улеглась под раскидистыми ветвями вяза, оставив Нора пастись неподалеку. После долгого, почти непрерывного пути, она провалилась в крепкий сон без сновидений. Тело почти скрывала трава. Хаара не думала, что дневной сон в таком месте может обернуться неприятностями, ведь вокруг ни души, к тому же она решила, что любая опасность нипочем, когда при ней меч. Грабители с большей вероятностью обитают на больших дорогах, чем в такой глуши, где нечем поживиться. Сюда не забредут торговцы, а с нее и взять нечего. Хаара прикончила остатки провизии и истратила последнюю монету в деревне, где остановилась днем ранее. Теперь же у нее остались только конь и меч. Как действовать дальше, принцесса еще не решила. Архорд остался далеко позади, вокруг стелилась неизвестная местность, и, вспоминая карту, некогда расстеленную в зале совещаний дворца, девушка гадала, в какую сторону движется.

– Эй, смотрите... – Хаару не разбудили ни тихие мужские голоса, ни чувство самосохранения. Всадник остановился и спешился, чуть скрипнув сапогами.

– Ну девка... Ты что, их мало видел?

– Одна девка-то. Глянь, может, мертвая?

Всадник тихо спустился по пологому склону, придерживаясь рукой за кустарники. Следом спешились еще двое: пухляк, похожий на бочку, и лысый детина, бригантина на котором сидела впритык.

– Живая, – шепнул мужчина, склонившийся над Хаарой, увидев, как мерно вздымается ее грудь.

– Хороша?

– Хороша... Хоть и дура. Возьмем себе?

– Может, в замок? – предложил другой. – Командир в последнее время хуже волка голодного. Опять вернемся с пустыми руками – башку оторвет.

С полминуты висела пауза.

– Ладно... Ничто же не мешает нам ею попользоваться, а потом отдать ему.

– Идиот? Она расскажет, и что, по-твоему, он сделает?

Мужчины спустились, уже не пытаясь скрыть свое присутствие, пока их товарищ осторожно ухватился за эфес меча, прикрепленного к поясу Хаары. Он вынул его прежде, чем девушка открыла глаза и успела сделать рывок. Стоило Хааре пошевелиться, как грубый сапог болезненно придавил грудь. Девушка стиснула зубы, невольно издав жалобный стон и, чувствуя, что становится сложно дышать, попыталась сбросить ногу нападавшего. В следующее мгновение она заметила, что высокая фигура с гаденькой, редкой бородкой держит в руках ее меч. Страх и злость нахлынули одновременно. «Надо же попасть в такую дурацкую ситуа-

цию... Позволить себя обезоружить!» Настоящий позор для воина, тем более для наследницы престола, каковой девушке теперь хотелось себя считать. Она уже собиралась потянуться за клинком, что прятала за пазухой, как вдруг возникли еще двое мужчин. Кривые, заросшие грубой щетиной лица, склонились над ней, рассматривая, словно вещь на продажу.

– Пошли к Шааху, ублюдки! – выкрикнула Хаара, ударив рукой по сапогу, но не сдвинув его с места. Незнакомцы хохотнули и наградили ее парой-тройкой пинков так, что девушка сжалась от боли. Бородатый убрал ногу. Хаара беспомощно перекатилась на бок. Грубые руки прижали ее к земле и начали ощупывать. Содрали плащ, тут же обнаружили и припрятанный кинжал и забрали его. Девушка услышала, как кто-то одобрительно присвистнул.

– Вооружилась неплохо, только вот умеешь ли ты этим пользоваться?

– Так встаньте с меня, и проверим.

Хааре захотелось двинуть в самодовольное лицо, но такой возможности не представлялось, пока щека вдавливалась в прохладную почву. С девушки стянули и вытряхнули обувь, обшарили карманы, не упуская шанса ухватить за ягодицы и груди. Она попыталась вырваться, но ничего не смогла противопоставить силе трех взрослых мужчин. Ее охватил стыд. Так мерзко с ней еще не обходились! Хаара даже в мыслях не допускала, что какой-нибудь мужчина станет лапать ее или увидит голой, а что теперь? Она даже не может ответить! Хаара закричала, надеясь, что поблизости окажется равнодушный воин. Равнодушный? Смешно. Да, возможно, он захочет разделить добычу. Слишком быстро принцесса пожалела о том, что отделилась от Карлайла. Быть может, он поехал следом и теперь ищет ее?

– Помогите! Кто-нибудь! На помощь!

Девушку вновь перевернули и ударили в живот. Хааре показалось, что она утратила способность двигаться и дышать. Внутреннее «я» уже начинало проклинать ее за неосторожность и молиться, чтобы все обошлось.

– Кто-нибудь, ага... Жди святого воинства. Отобьют тебя, чтобы самим трахнуть.

Мужики заржали. Хаара выругалась, когда ее подняли на ноги. Голова слегка кружилась, но обидчиков девушка видела четко.

– Жалкие уроды...

– Что ты сказала?

– Сказала, что вы жалкие уроды, а от твоей рожи хочется блевать. Напали втроем на спящую девушку и теперь гордитесь? Псам собачья смерть, Геул свидетель, вы сдохнете как собаки!

– Неужели? Если Геул свидетель, что ж не позаботится о тебе? Смотри... лишиться девственности просто, если она у тебя, конечно, есть.

– Тебе даже коза не даст. Проси помощь товарищей.

В следующую секунду кулак прилетел девушке в лицо. Хаара вовремя отвернулась, чтобы удар не сломал нос, но в глазах все равно потемнело, и она упала, больше не удерживаемая мужчинами. Не было времени прийти в себя. Пелена перед глазами лишила возможности видеть соперника, а он продолжал бить. Хаара скрючилась, закрыв руками голову. Подонок пинал в разные части тела.

– Хватит, успокойся! Хочешь в отбивную ее превратить?

– Пусть сучка прикусит свой длинный язык, а то использует его не по назначению!

Страх практически парализовал Хаару. Его глушила только боль. Покажи девушка сразу же слабость, как знать, не пришлось бы ей хуже? Она не могла защитить себя физически, но проявляла стойкость как могла. Добродетель в Ревердасе давно умерла. Искаженная мораль преобладала над общечеловеческой. Оставалось уповать на милость Геула или ждать, пока ему надоест издеваться.

Удары прекратились. Наконец-то удалось вдохнуть. Девушку снова подняли на ноги, однако стоять на них оказалось трудно. В голове немного прояснилось, она снова видела, но

дышать было больно, и чувство давило скверное. Удушливый ком застрял в глотке. Из расщепленной скулы сочилась кровь, к тому же Хаара прикусила щеку, и привкус железа усугублял тошноту.

– Ну, хочешь еще что-нибудь сказать?

Здравый смысл подсказывал промолчать, но рот все равно открылся.

– Долго твоя мать уговаривала осла обрюхатить ее, чтобы ты появился на свет?

То, что происходило дальше, ужаснуло принцессу куда больше, чем побои.

Достав кинжал, мужчина отрезал полосу от ее собственного плаща, расстегнул штаны и помочился на нее. Он поднес гадкую тряпку к ее лицу, один из мужчин ухватил девушку за голову. Хаара попыталась отшатнуться, но не смогла. Нападавшие были сильней. Хотелось реветь и ползти прочь. Избивавший ее подонок насильно затолкал кляп в рот. Едкий запах мочи ударил в нос. Хаара чувствовала, что ее вот-вот вырвет, но изо всех сил сдерживалась, чтобы не захлебнуться собственной рвотой. Из глаз брызнули слезы. Бородатый усмехнулся.

– А теперь?

Хаара боялась даже замычать. Положение было настолько плачевным, что захотелось самой отдать душу Геулу. Несомненно, где-то в Аридоне ее семья злорадствует. Она пережила их всех, но ради чего? Ради подобных унижений? Она отвергала их законы и традиции рода, но что в итоге получила? Как бы в подтверждение этому в тени деревьев мелькнул едва различимый призрак Иландара.

– Тащите ее сюда! Привяжем к лошади, пойдет пешком.

– А что с ее скакуном делать? Вроде здоровый, возьмем с собой?

– Конечно, возьмем.

С заживающей раны сорвали повязку. Запястья плотно стянула жесткая веревка.

«Поверить не могу, что это случилось со мной, да еще и так скоро. Конечно, Карлайл оказался прав. Я вообще не способна выжить в одиночку. Страна, которой правили отец, брат и наши предки, должна была стать моим укрытием, а вместо этого меня избили и привязали к лошади. Вот чего я добилась. Унизительно... больно... О, Геул».

* * *

Брели весь день. Хаару измучила жажда. Томимая бессилием, девушка все время спотыкалась, чудом удерживаясь на ногах, едва переставляя их, готовясь упасть и безжизненно волочиться по пыли, если больше не сможет идти. Стопы изранились о камни и опухли. «Эти люди не остановятся», – размышляла она, с трудом набирая в легкие воздух, и продолжала плестись. Из-за кляпа трудно дышалось. Он натирал уголки губ, язык прилипал к гадкой тряпке. Дни стояли жаркие. Тело взмокло, отчего становилось еще невыносимее. Пыль забивалась в нос. Хотелось кашлять, принцесса задыхалась. Пряди засаленных волос прилипали к вискам, временами лезли в глаза, но Хаара не имела возможности убрать их. Она едва поспевала за лошадью, мысленно вновь и вновь считая до сотни, убеждая себя, что сможет пройти еще сто шагов.

Всадники, пленившие ее, изредка переговаривались, но девушка не вникала в бесполезную болтовню. Иногда до нее доносились обрывки фраз: ругательства, какие-то имена. Хаара не могла связать их по смыслу. Когда наконец случился привал, девушка опустилась на землю, надеясь, что вот-вот умрет. Лошадь, к которой были привязаны руки, сделала два шага вперед, и Хаара упала лицом на дорогу. Мелкие камни болезненно впились в щеку и лоб, но в организме не осталось жидкости, чтобы заплакать. Мужчины оставили эту плачевную сцену без внимания. Они уселись неподалеку, откупорили фляги, достали хлеб и солонину. Хаара лежала, сил подняться не осталось. Она закрыла глаза, представив, куда попадет, если вот так бесславно откинется. Прямоком к Шааху за все свои слабости?

– Эй?

Внезапно девушка почувствовала, как ее потянули за волосы. Главный ублюдок, как обозначила его Хаара, заставил ее сесть и вытащил изо рта кляп. Кожа горела. Сухой язык с трудом коснулся потрескавшихся губ.

– Хочешь пить?

Хаара кивнула. Она боялась, что не сможет заговорить. Мужчина показал ей флягу.

– Умоляй.

«Только не это», – подумала девушка. Хотелось выругаться, заплакать, но она могла лишь смотреть на усмехающуюся рожу и такую желанную, недостижимую воду.

– Ну? Или все-таки не хочешь?

– Да-дай... вод-ды... – кое-как просипела она, но мучитель лишь издевательски нахмурился.

– Чего-чего? Я что-то не слышу.

– Д-дай...

– Это слабо похоже на мольбу, видимо, тебе и так неплохо.

Мучитель отстранился, а Хаара, испугавшись, что он так и уйдет, оставив ее без глотка, рефлекторно рванулась вперед. Мужчина захохотал.

– В чем дело? Не можешь достать?

«Если я тебя однажды достану, – думала девушка, – ты сдохнешь самой мучительной смертью».

В тени деревьев за спиной ублюдка возник признак Иландара. Хаара украдкой взглянула на него. Брат презрительно усмехался. «*Чего же ты не умоляешь?* – прочитала она по губам. – *Может, он даже обоссит тебя из милости?»* Такого развития событий девушка опасалась.

– Пусть попьет. Дохлая она бесполезна, – заметил другой мужик, уставший наблюдать за издевательствами товарища. Ублюдок усмехнулся и в следующую секунду брызнул воды девушке в лицо. Хаара зажмурилась, но тут же принялась слизывать стекающую на губы влагу. Мучитель наблюдал, получая от зрелища явное удовольствие, затем запрокинул девушке голову и влил в рот еще воды. От резкости движения Хаара едва не захлебнулась. Выплюнуть было нельзя – другой могли не дать. Она с трудом сглотнула и зашлась кашлем.

– Поднимайся, пора в путь.

Совершенно не так Хаара представляла себе одинокую жизнь. Она знала, что может умереть из-за нехватки сил или глупости, но не что при этом придется долго страдать... Знай она наперед об унижительном пленении, ни за что бы не отошла от Карлайла. Иландар, конечно, сводил с ума, но одно дело – слышать навязчивое осуждение и другое – стать безоружной заложницей.

Принцесса пыталась угадать, куда ее ведут, и когда сознание на миг прояснилось, обратила внимание на синие плащи, где желтым изображалось солнце, пронзенное стрелой. Хааре доводилось видеть такие, давно... в другой жизни. Захватившие ее люди – дозорные с ближайшего из пограничных замков – Лакуды. Мысль об этом одновременно обрадовала и насторожила. Пограничники служат государству и тому, кто им правит. Она законная наследница, однако сейчас в это трудно поверить. Даже если когда-то они были верны роду Дефоу, сейчас также подчиняются узурпатору. И лучше Лонгрену не знать, что кто-то из детей Сарвэйха выжил. Хаара планировала столкнуться с ним, но не при таких условиях.

Когда начало темнеть, мужчины остановились на ночлег. Хаару привязали к дереву, неподалеку развели костер. Девушка радовалась, что может хотя бы сидеть. Стопы горели, голову ломило. Терзали голод и жажда.

– На вот, – один из пограничников принес девушке корку хлеба и разрешил сделать пару глотков. Хаара попыталась разглядеть на его лице враждебность, но столкнулась лишь с рав-

нодушием. Она с трудом разжевала черствую выпечку и услышала, как протяжно заурчало в животе.

– Зачем вы это делаете?

Мужчина не ответил и вернулся к остальным. Они долго шумели: со стороны костра доносились байки и пошлые анекдоты. Хаара прислушивалась, надеясь получить полезную информацию. Любую кроху, за которую можно уцепиться, но ничего подобного не прозвучало. Через час дозорные улеглись, оставив одного из своих на посту. Хаара присмотрелась к нему. Тот самый, что принес корку хлеба.

– Хэй... Дай мне воды... пожалуйста.

Мужчина взглянул на нее, но не сдвинулся с места.

– Не велено.

– Кем? Хозяином? Тебе проще выполнять приказы, чем просьбы? – Хаара выдержала паузу, наблюдая за тем, как сработает ее провокация. – Если я умру от жажды, вам точно не будет проку.

– Не умрешь.

– Я истощена и ранена. Почему тебе знать?

Мужчина не отвечал, но Хаара не собиралась сдаваться.

– Тебя зовут Седриус, верно? Кто сейчас командует Лакудой? Сир Ридесар?

Несколько секунд длилась пауза, но Хааре показалось, что она заинтересовала мужчину.

– Откуда знаешь это имя?

– *He говори*, – рядом возник призрак Иландара, омерзительно отчетливый на фоне глухой чаши.

Хаара хотела блефовать: соврать о том, что они хорошие знакомые и мужчина будет недоволен тем, как с ней обошлись. Много лет назад принцесса и правда встречала человека по имени Ридесар, сурового воина границы, которого отец представлял храбрейшим из людей. Она была слишком мала, сейчас мужчина вряд ли узнает в ней Хизер Дефоу, но девушка надеялась, что до этого не дойдет, если правильно надавить. Рассчитывала на то, что Седрик, побоявшись наказания, отпустит ее, пока другие спят, но серое, тускло светящееся лицо брата заставило помедлить.

– *Если поверит, что ты и правда важна для Ридесара, убьет, чтобы не рисковать. Твой труп уже не отыщут, а вот живая ты можешь сболтнуть лишнего.*

Иландар беспокоился? Необычно. Но смысл в его словах был.

– Ходят слухи, что он благородный воин. Думаю, разозлится, когда увидит, как вы со мной поступили. Развяжи меня. Я просто уйду, и сделаем вид, что ничего не было.

– Заткнись.

– *Кажется, ты неубедительна*, – усмехнулся Иландар. Хаара сделала вид, что больше не видит его. – *Предложи ему денег. Ах, стой... у тебя же их нет. Как и власти, чтобы обещать награду. Что насчет поединка? Хороший способ добиться правосудия. Если, конечно, способна победить.*

Девушка плотно сжала губы.

– *Что, сестра? Не сможешь убить человека? Даже такого убогодка?*

Хаара хотела убить его, однако покалеченная и измученная, трезво оценивала свои шансы. Неподалеку хрустнула ветка, и девушка вздрогнула. Она уставилась в темноту, опасаясь появления садала или другого заплутавшего хищника. Сейчас бы точно никто не пришел к ней на помощь. Хаара подумала о Карлайле. «Где он сейчас? Печалится или радуется оттого, что я сбежала?»

Из кустов никто не появился, так что принцесса немного расслабилась. Она слушала лес еще некоторое время, но он звучал все тише. Хаару тоже клонило в сон. Она закрыла глаза.

– Я умер быстро, но бесчестно. В этом минус подлых убийств. Когда перерезают глотку, посещает смятение. Долю секунды не понимаешь, что происходит: только чувствуешь – что-то изменилось.

Меньше всего Хааре хотелось слушать Иландара. Она попыталась абстрагироваться, заставить его исчезнуть, но призрак не умолкал:

– Помнишь, что такое удушье? Когда тонешь, испытываешь нечто подобное. Паника нарастает. Ты знаешь, что умрешь, но так не хочется. Наверное, на границе и понимаешь, что никакого покоя нет. Разве что для избранных. Ты вряд ли обретешь его. Хизер... почему ты просто не умерла в тот день?

Глава 9

Купальня

Мисора проснулась во мраке и поняла, что замерзла. Она повернулась на бок, ощутив под собой жесткую кровать, поморщилась и попыталась осмотреться. Помещение, в котором она находилась, напоминало камеру. Окна отсутствовали, пахло сыростью. Удивительно, что ее до сих пор не убили. Женщина взглянула на свои бледные исхудавшие руки. На них не осталось крови, но Мисора все еще чувствовала ее запах. Она сама убила, и уже не раз. «Слишком много раз», – подумалось ей.

Осторожно привстав, лисица вслушалась в тишину. Где-то там, за стенами, в отдалении раздавались шаги и голоса. Она соскользнула с кровати и прошествовала вперед по каменному полу, пока не уперлась в стену. Ощупала холодную шершавую поверхность. Сбоку находилась железная дверь. Мисора дернула ее. Заперто.

Сдерживая дрожь, женщина опустила на пол. Как же она жалела о своей глупости и неосмотрительности. Как она позволила себя так просто схватить? Как допустила, чтобы ее лишили свободы? Мисора обхватила себя руками, чувствуя, что теперь знобит лишь сильнее. Она никого не будет звать, быть может, это продлит ей жизнь.

Сама того не заметив, Мисора вскоре задремала и резко проснулась, услышав скрип замка. В следующее мгновение дверь распахнулась, запустив в помещение небольшую полосу света. В проеме показался высокий худой человек, который сразу же заметил лисицу, сидящую у порога. Женщина хорошо различала его черты в полумраке: осунувшееся угловатое лицо, нелепо подстриженные темные волосы, грубо выпирающий кадык. Незнакомец смотрел на нее задумчиво и высокомерно, однако женщине так могло лишь показаться, ведь, сидя на полу, она была во много раз ниже его.

– А... ты проснулась, – нарушил он тишину после нескольких мгновений загадочного молчания. – Это хорошо, давно пора. Его величество наконец сможет удовлетворить любопытство. – Мужчина приблизился, и Мисора едва не зашипела на него. Она вовремя опомнилась и подавила рефлекс. Голос незнакомца был высоким и холодным, даже резал слух. Мужчина наклонился и подал ей руку. От него странно пахло. Редкий запах, ни с чем не сравнимый, принадлежащий магам.

– Давай, поднимайся. На полу легко застудиться.

Женщина протянула ладонь и вздрогнула от прикосновения. Ледяное, как и тон незнакомца. Мужчина помог ей подняться, и Мисора сильнее напряглась. В полумраке глаза ее светились янтарным огнем. Незнакомец заметил это и некоторое время всматривался, после чего хмыкнул и полез в кожаный мешочек, висящий на поясе.

– Любопытный у тебя взгляд.

Мисора внимательно следила за его движениями. Через мгновение мужчина достал небольшую черную веревку и жестом приказал девушке вытянуть руки.

– Веларов и рабов принято держать в заключении, сама понимаешь. К тому же ты, вроде как, опасна. Конечно, веревка не удержит, если решишь убить, но из замка тебе не выбраться, так что не делай глупостей.

Мисора молча подчинилась, и мужчина начал связывать ее запястья. Он делал это аккуратно, но с завидным усердием, как будто творил искусство.

– Вот так, хорошо. Ты умеешь говорить?

– Разумеется, – впервые отозвалась женщина. Незнакомец чуть повел бровями.

– Неужели? Я уж было подумал, что немая, а, выходит, просто плохо воспитанная. Идем, может, король согласится взглянуть на тебя сейчас.

Мужчина взялся за край веревки и повел Мисору за дверь. Лисица повиновалась. Они вышли в плохо освещенный коридор и некоторое время шествовали в тишине. Как только подошли к лестнице, Мисора тихо начала напевать: «На поле брани растерзано тело. Тело воина в качестве дани». Незнакомец бросил на нее заинтересованный взгляд, но не сбавил шагу.

– Какой древний гимн. Знаешь, в какие времена его пели?

– Во времена, когда небо было черным от пепла, а земля багровой от крови, когда на материке правил Шаах.

– Да, довольно давно.

– А вы кто? – решив потешить собственное любопытство, спросила Мисора.

– Придворный лекарь. Я следил за твоим состоянием.

– И давно?

– Два дня минуло.

– Ведри?²⁵ Зачем вам все это?

– Я слеую приказам короля и ты тоже... Все лишь следуют его приказам.

– Разве все?

– Кто нет, тот мертв или страдает. Умным хватает здравого смысла подчиняться.

Мисора некогда пыталась представить себе дворец изнутри. Он рисовался ей просторным, роскошным, светлым. Она думала, это место сверкает золотом и драгоценными камнями, повсюду ковры и фрески, удивительные растения, фонтаны... Но в реальности все оказалось не так. Стены дворца были каменными и мрачными, потолки высокими, а окна узкими. На них висели синие с серебром шторы, а вместо картин на стенах изредка встречались рога или головы животных. Никаких ковров и фресок. Женщине показалось, что дворец отражает характер хозяина.

Периодически встречалась стража, и Мисора холодела от вида высоких широкоплечих мужчин с суровыми лицами. Они смотрели на нее словно ястребы, казалось – достаточно мелкого повода, и ее разорвут в клочья. Внезапно Мисора заметила знакомую худощавую фигуру. Она шла навстречу, облаченная в нежно-голубые шелка. «Эта девушка была с королем», – вспомнила Мисора. Лекарь вдруг притормозил и в почтении склонил голову.

– Ваше величество...

Златовласка остановилась, и Мисора встретила с ней взглядом. В глазах юной особы читалось презрение.

«Она жена Лонгрена... совсем молодая».

– Периций... куда ты ведешь ее?

– К королю, почтеннейшая.

– Король сейчас в купальнях, он не может ее принять.

²⁵ Ведри – маги земли, ответвление клана умаров.

Мужчина слегка улыбнулся и снова склонил голову.

– Тогда не будете ли вы столь любезны узнать: когда и куда я должен привести девушку? Я следую приказу его величества, он хотел видеть рабыню, как только та очнется и...

– Хорошо, – оборвала его королева, – следуй за мной. Я узнаю, а ты обождешь в коридоре.

– Благодарю вас.

Мисора поймала на себе холодный взгляд. Женщина в голубых шелках быстро зашагала по коридору, и мужчина последовал за ней. Они повернули в другую сторону и очень скоро очутились в западном крыле дворца. Мисора старалась не отставать. Она все время осматривалась, но коридоров и различных ходов здесь было так много, что вскоре женщина забыла, откуда они пришли и сколько раз свернули. Они снова спустились по лестнице и прошли около тридцати шагов, прежде чем златовласка велела остановиться и ждать ее здесь. Тот, кого она ранее назвала Перицием, притормозил, и Мисора с ним едва не столкнулась. Женщина проследила за тем, как Наоми стучится, а затем скрывается за широкой дубовой дверью. Она прислушалась, но бурлящий шум мешал различать другие звуки за стеной.

* * *

Переступив порог купальни, Наоми сразу же почувствовала жар. В стенах замка она часто мерзла, но сейчас сердце напряженно стучало, гоняя по телу кровь. Она чувствовала себя неуютно с тех самых пор, как впервые оказалась в этом месте, как осознала, что вынуждена стать женой сурового и жестокого человека.

Ревердас никогда не заключал политических браков, но с тех пор как умер последний Дефоу, ситуация изменилась. Принцесса получила неожиданное предложение и не имела права отказаться. Поначалу это ввергло ее в шок. Не было сомнений, что однажды она послужит для Эндагона разменной монетой, однако Наоми рассчитывала на менее ужасающий брак. Одна лишь мысль о том, чтобы пересечь границу Ревердаса, вызывала ночные кошмары. Приказ отца не оспорить, его утешительные слова постепенно вернули надежду – с новым королем грянут перемены.

Но перемены не пришли. Наоми никогда не мечтала жить в стране, где столь часто проливают кровь, и, в отличие от своего благоверного, не получала удовольствия от неоправданно жестоких зрелищ. Она была слишком чужой в этих краях. Пыталась, но не могла принять культуру, не могла стать той, кем ее хотел видеть муж. Однако девушке хватало ума не показывать страха и отвращения в его присутствии. Пару раз испытав на себе гнев мужа, она больше всего на свете боялась вновь спровоцировать Лонгрена. Как поступил бы он, узнав, что королева дрожит от вида крови? Наверняка заставил бы ее смотреть, пока та не сошла бы с ума от ужаса.

Король отмокал в небольшом круглом бассейне. От горячей воды исходил пар, наполняя просторную комнату. Первое, что увидела Наоми, – широкие мужские плечи и спину. Лонгрэн расслабленно потягивал красное вино, периодически покручивая бокал в руке. Иногда девушка воображала, что он пьет кровь своих жертв, но всячески гнала отвратительные мысли прочь. При виде этого человека все внутри нее начинало дрожать, но Наоми убеждала себя, что причина тому вовсе не страх, а сильная любовь. Она и сама до конца не верила, что может испытывать такое чувство к Лонгрэну, однако пыталась его пробудить, ибо знала одно: если она не полюбит мужа, то непременно погибнет страшной смертью.

Услышав стук, Лонгрэн развернулся и удивленно взглянул на свою королеву. Наоми показалось, что глаза его, налитые кровью, выражают только одно желание – уничтожить. Однако мужчина усмехнулся и сделал глоток вина.

– Решила составить мне компанию? Иди сюда, раздевайся...

Наоми похолодела от мысли, что ей нужно приблизиться к супругу. «Он причинит мне боль, он так любит ее причинять». Девушка неуверенно шагнула вперед.

– Мой король... Прошу простить за то, что потревожила, ваш слуга изволил интересоваться, когда и где вы захотите увидеть рабыню. Ту самую, что выжила. Она наконец пришла в себя.

Лонгрэн рассмеялся, заставив Наоми занервничать сильнее, а затем залпом опрокинул в себя остатки алкоголя. Он указал на графин и поманил девушку пальцем. Она все поняла и поспешила наполнить его бокал.

– Бегаешь ко мне с вопросами от слуг? За кого они принимают мою королеву?

Наоми крепче сжала графин, боясь его ненароком обронить. Лонгрэн испытующее на нее смотрел.

– Не смей молчать, когда я задаю вопрос.

– Мой король, я подумала, что это может быть важно для вас. Периций сказал, что вы приказывали...

– Я приказывал!

Наоми почувствовала, как сильная рука схватила ее за волосы, и уже в следующее мгновение голова девушки ушла под воду. Лицо сразу же обожгло. Наоми едва успела сделать вдох, прежде чем крепкая хватка Логрена лишила ее возможности вырваться из водного плена. Графин выпал из рук, и вино растеклось в воде, словно свежая кровь. Девушка забилась в панике. Неужели король и впрямь решил ее утопить? Однако уже через пару мгновений мужчина вытащил жену за волосы и оттолкнул в сторону. Наоми соскользнула и сильно ударилась бедром о каменный пол. Из глаз полились слезы, но девушка радовалась, что их не видно из-за стекающих по лицу струек воды. Прическа безнадежно испортилась, а страх только усилился.

Лонгрэн, усмехаясь, наблюдал.

– Такого не должно повториться, Наоми. Прекращай выглядеть жалко, а то меня начинает тошнить.

– Прошу прощения, мой король... – подавляя слезы, девушка поспешила подняться на ноги, – такого больше не повторится.

Лонгрэн сделал еще глоток.

– Скажи, что рабыня может войти. Лекаря отошли.

– Сюда, мой король?

– Прямо сюда, – строже повторил Лонгрэн. Наоми колебалась.

– Я выгляжу неподобающе, мой король... Как могу я показаться перед слугами в таком виде?

Лонгрэн отставил бокал и поманил к себе девушку. Наоми подумала, что сейчас ее снова начнут топить или ударят, однако не смогла противиться мужу и опустилась на ступеньки рядом с ним. Лонгрэн осторожно распутал ее волосы и вытащил из них заколки. Вымокшие золотистые пряди свободно упали вдоль плеч.

– А теперь засмейся, Наоми, засмейся так, будто я рассказал хорошую шутку. Пусть подумают, что мы просто дурачимся, остальное их волновать не должно.

– Поняла, мой король.

Наоми засмеялась, пытаясь скрыть в дрожащем голосе фальшь, и поспешила к двери. Она не могла отделаться от жуткого чувства и больше всего боялась, что глаза или нелепые движения выдадут ее. Бедро отзывалось болью. «Ничтожество, – думала девушка, – я такое ничтожество». Громко хохоча и вкладывая в этот смех все свое отчаяние, Наоми приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

– Девушка может войти, – весело сообщила она, тут же добавив: – А ты, Периций, свободен. Королю не нужно твое присутствие.

Мисора с опаской взглянула на мужчину. Он отпустил веревку, связывающую ее запястья, и кивнул в сторону королевы.

– Иди, тебя ожидают.

Женщине пришлось повиноваться. Она медленно дошла до купальни, как будто хотела позлить королеву, и в легком недоумении взглянула на ее мокрые волосы. Что за дешевый спектакль? И это-то маска радости? Она вошла в купальню, устремив взгляд в пол: «Я не должна смотреть на короля. Он, наверное, обнажен и сочтет это за дерзость».

Наоми прикрыла дверь и вопросительно взглянула на Лонгрена. Что теперь? Ей нужно уйти или остаться? Одновременно хотелось и того и другого. Было бы прекрасно скрыться от чужих глаз, запереться где-нибудь и дать волю слезам, но нельзя же оставить мужа наедине с этой мерзкой женщиной. Наоми помнила, как та убивала себе подобных – без чувства жалости, будто бы даже получая удовольствие. Теперь рабыня стояла перед ним, склонив голову, но не более. Плечи и спина расправлены, будто безродная что-то из себя представляла. Наоми показалось, что этого недостаточно. Минуту назад она валялась на этом полу, так почему же рабыня не падает ниц? Неужто только ей, королеве, положено унижаться? Отдавшись секунднему порыву гневного отчаяния, Наоми толкнула ее.

– На колени! Перед тобой король! Как смеешь ты выказывать дерзость?

Мисора опустила голову. Она проделала это спокойно, почти грациозно, чем еще сильнее разозлила девушку.

– Прошу прощения, ваше величество, за мою бестактность...

Лонгрэн смерил девушку взглядом. Волосы незнакомки были засаленными, одежда грязной и порванной в нескольких местах, на исхудавших руках виднелись синяки. И тем не менее она казалась красивее стоящей позади Наоми. Что-то невысказанное, резкое и пленительное было в чертах лица. Любой распознал бы в ней чужачку. Смугловатая для севера кожа, необычный, хитрый разрез глаз.

– Подними голову, – приказал король, и девушка повиновалась. – Как твое имя?

– Мисора, ваше величество...

– Кто учил тебя убивать, Мисора?

– Никто.

– Тебе доводилось делать это раньше?

– Да, ваше величество...

– Кого ты убивала?

– Лживых людей и... – она выдержала паузу, терзаясь в сомнениях о том, стоит ли говорить правду, – детей...

Сердце Наоми дрогнуло, она едва не шарахнулась назад. Детей? Эта мерзкая женщина убивала невинных? Стоило подумать об этом – и королеве захотелось бросить ее в костер.

– У тебя была на то веская причина?

– Да, ваше величество.

Лонгрэн развернулся, чтобы лучше видеть собеседницу. Мисора наблюдала за движением широких плеч. Короля практически целиком скрывала вода, но он все равно внушал трепет. Женщине казалось, что мужчина красив и ужасен одновременно. Мокрые, слегка вьющиеся пряди спадали вдоль хмурого лица с треугольным, заросшим длинной щетиной подбородком. В карих глазах читалась не то заинтересованность, не то злость. Может, все сразу. Мисоре подумалось, что эти глаза не способны излучать радость. Они принадлежали садисту, человеку, чьи мысли трудно разгадать и от которого ждешь подвоха. Женщина никак не могла представить с ним ту, что стояла позади. Хрупкая, по-детски сложенная Наоми совсем не подходила королю. Не с ее блеклым, фальшиво-горделивым лицом и тонким, не умеющим обольщать голосом. Мисора отчетливо почувствовала запах страха – королева провоняла им.

– Если бы я снова приказал тебе сражаться, ты бы это сделала?

– Да, ваше величество.

– Ты бы убила невинного?

– Если бы такова была ваша воля.

– А если бы я велел тебе не защищаться, а твоему оппоненту тебя убить? Как бы ты тогда действовала?

Мисора молчала, думая, как правильно ответить. Лонгрэн усмехнулся.

– Колеблешься?

– Думаю, я защищалась бы, ваше величество. В этом есть смысл, когда уже нечего терять. Жалкое подобие улыбки мелькнуло на лице мужчины.

– Наоми... Пусть ее отмоют, дадут другую одежду и отправят на кухню. Там как раз не хватает рук.

– Конечно, ваше величество. – Девушка взглянула на рабыню с неприкрытым отвращением и досадой. Она только что призналась в убийствах, а теперь будет помогать слугам? И как Наоми должна есть, зная, что где-то поблизости крутится эта грязная грешница? – Благодарю короля. Он сохранил тебе жизнь и отвел угол в замке. Ты будешь обязана ему до конца своих дней.

Мисора наблюдала за тем, как Лонгрэн усмехается, как мелкие прозрачные капельки стекают по его шее и торсу. Он повернулся к женщинам спиной и ушел под воду с головой. Наоми велела встать, и Мисора охотно подчинилась.

Глава 10

Светоносцы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.